

Алексей
СИНИЦЫН

МАШИНА ПРОСТРАНСТВА

Городская проза

Алексей СИНИЦЫН

Машина пространства

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Синицын А.

Машина пространства / А. Синицын — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-116283-2

Журналист Горгий Пеликанов отправляется в вологодскую глушь, чтобы отыскать легендарный Заповедник, о котором ходят самые невероятные и противоречивые слухи, а в результате... оказывается в затерянном городе – мистическом Вавилоне Русского Севера, исчезнувшем с географических карт сто лет тому назад. Что ждёт его там? Сможет ли он выбраться из своего «вавилонского плена»?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116283-2

© Синицын А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Сеницын

Машина пространства

© Текст. Алексей Сеницын, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1

В воскресенье на Ярославском было немногочисленно. Заходя в здание вокзала, Жора Пеликанов услышал долетающие из глубины приглушенные звуки рояля. Неприметный мужчина средних лет в белой концертной рубашке с большим чувством исполнял тему из «Бандитского Петербурга». Два десятка человек слушали его, уткнувшись в смартфоны. Пока Жора в цифровом камуфляже Marine Pattern с высоким станковым рюкзаком за плечами пересекал зал, концертмейстер успел покончить с лейтмотивом питерской криминальной драмы и заиграл гимн Москвы. Этот внезапный переход Жора счел по-своему логичным. В прошлый раз, когда он уезжал в Кострому на очередной юбилей драматурга Островского здесь всю распевавший хор студентов Гнесинки.

На темно-синем перронном асфальте валялось множество бутылочных крышек. Прохаживаясь возле путей с истертыми, лоснящимися рельсами, Пеликанов недоумевал, откуда их столько взялось. Ему казалось, что такими давным-давно уже не пользуются. Издали они напоминали россыпь старинных монет, но при ближайшем рассмотрении производили ностальгически удручающий эффект узнавания. Лет тридцать тому назад ими могли закупоривать бутылки с лимонадом или пивом «Жигулевское». Пеликанов наклонился и, подобрав одну, стал внимательно рассматривать. Крышка оказалась норовистой и острозубой, как пиранья.

До отправления поезда оставалось чуть менее получаса. Сделав еще с полсотни шагов по перрону, он вспомнил, что нужно позвонить Рите. Жора знал, что по выходным Рита любит отсыпаться, но догадывался, что теперь она не берет трубку не потому, что спит, а потому, что все еще на него сердится. Насчитав десять или одиннадцать гудков, он сбросил вызов.

Ветер гнал по небу дымные серые тучи, в которых терялся шпиль соседнего Ленинградского вокзала. Пеликанову захотелось раствориться, исчезнуть в сыром осеннем воздухе, но как это сделать – он не знал.

О Заповеднике ходили разные слухи. В среде либеральной интеллигенции поговаривали о том, что Путин разводит там специальных медведей-оборотней. Якобы верхом на одном из них он и был запечатлен личным кремлевским фотографом в августе две тысячи четырнадцатого года. То, что Президент России (способный, по утверждению Божены Рынки, и сам на некоторое время превращаться в тощего плешивого медведя) восседал на североамериканском гризли, преодолевавшем вброд одну из сибирских рек, в расчет не принималось. Как и то, что скакать на медведе без седла было в высшей степени затруднительно.

Представители умеренной оппозиции видели в нашумевшем изображении карикатурно-символический смысл с подтекстом, отсылающим к синоптическим Евангелиям: дескать, на свои очередные два срока Путин въехал в Кремль верхом на Медведеве. Выходило, что-то вроде издевательского меседжа, посылаемого властью гражданскому обществу в жанре грубоватого уголовного юмора.

Пеликанов, как опытный журналист, во всю эту чушь с медведями-оборотнями не верил. О Заповеднике он, разумеется, слышал, но считал, что все это не заслуживает внимания, так как является или откровенным гнусным вымыслом, или обладает характерными чертами убогой народной фантазии.

Однако, едва переступив порог кабинета главреда Сизифского, Жора понял, что тот был иного мнения.

– На пустом месте ничего не происходит, и дыма без огня не бывает, – наставительно изрек Сизифский. – Общественный интерес может ошибаться в частностях, но в главном он всегда прав. Если что-то заслуживает его внимания, значит, в этом что-то есть. Не может не быть. На том стоим.

– Дыма не бывает, а вони – сколько угодно, – заметил Пеликанов, сидя в кабинете главреда на совещательном стуле.

– Вот ты поезжай и разберись на месте, освети, так сказать. Проведи журналистское расследование. Но для начала найди кончик веревочки, откуда тема выскочила. Что мне, учить тебя, как маленького? – сказал Сизифский.

– Будто вы не знаете, Леонид Максимович, откуда все темы выскакивают, а потом эхом на берегах Клязьмы отдаются.

– Не упрощай, Пеликанов. Разберешься – хорошо, не разберешься – еще лучше. Напишешь, что обнаружил в вологодских лесах мистическое сердце России. – Сизифский ядовито улыбнулся. – Туризм по Золотому кольцу надо развивать? Глядишь, подтянем к себе рекламу внутренних туроператоров.

Зайдя Жоре за спину, он ободряюще встряхнул его за плечи, отчего Пеликанов вздрогнул:

– Леонид Максимович.

– Что?

– Почему, если в какое-то унылое говнище ехать, всегда Пеликанов?

– Не ропщи, Жора. Ты еще не знаешь, что такое настоящее унылое говнище. Я в Кабуле два года фронтовым корреспондентом оттарабанил. Там знаешь, какое единственное развлечение вечерами было? Берешь два автоматных рожка... Ладно, не доводи до греха, иди с богом. – Сизифский вяло махнул рукой в направлении двери.

К действительности его вернул голос из репродуктора, объявляющий посадку на поезд Москва – Архангельск. Жора не стал снова надевать рюкзак, а поволок его за собой на колесиках в сторону платформы.

Распахнутые купе неспешно заполнялись шелестом плащей, скрипом кожаных курток и возбужденными голосами. Пеликанов терпеливо ждал, стоя на красной ковровой дорожке в узком проходе, наблюдая за багажной возней. Кто-то в дальнем конце вагона с силой грохнул нижней полкой. Внезапно заплакал ребенок. Женщина в лиловом берете, стоявшая впереди, вдруг что-то вспомнив, с решительностью торпеды ринулась обратно к выходу, сметая все на своем пути.

Вскоре Пеликанову удалось бочком внедриться в пустующую нишу номер восемь, встретившую его запахом чистого накрахмаленного белья и приглушенной музыкой радио.

То, что он прибыл на место первым, давало шанс успеть быстро достать умывальные принадлежности и переодеться. Свое Military, приобретенное по случаю в военторге на 1-й Владимирской улице, он считал чем-то вроде карнавального костюма, временным маскировочным облачением. Ничего военного Жора не любил. Но теперь оно ему пригодились.

Пеликанов на несколько секунд застопорился взглядом на своей механической зубной щетке, похожей на маленькую зловещую машинку для чистки обуви. Через каких-нибудь три-четыре минуты он уже сидел возле окошка в старых домашних джинсах и черной водолазке, элегически подперев кулаком подбородок. По ту сторону мутновато-серого стекла ворона сосредоточенно терзала мякоть кунжутной булки. Мимо вороны размашисто промаршировал носильщик с гремучей тележкой. В этот момент поезд тронулся.

Едва Жора успел подумать, что до самой Вологды поедет один, как на пороге купе возник бледный, запыхавшийся человек с торчащим ежиком коротких светлых волос и недвусмысленным профессорским портфелем. Пеликанов секунду раздумывал, рад он или нет в последний момент объявившемуся попутчику. Решил, что это выяснится позднее. Человек с портфелем, по всей видимости, угадал его мысли.

– Это как гол на последних секундах овертайма, верно? – не без ехидства спросил он.

Пеликанов не стал делать вид, что не понял.

– Да, есть что-то общее. Но тут ведь все зависит от того, за какую команду болеешь. – Жора улыбнулся, смирившись с тем, что теперь ему какое-то время предстоит быть приятным собеседником.

– Иван Михайлович Зайцев. – Незнакомец протянул ему для рукопожатия неожиданно большую ладонь.

– Горгий Павлович Пеликанов.

– Редкое греческое имя, – оценил Иван Михайлович, взгромождая портфель на верхнюю полку.

Пеликанов давно привык, что люди совершали глупейшую ошибку, подозревая его в неправильном или нечетком произнесении своего имени. «Профессор», очевидно, доверял слуху, а паче того собственной эрудиции, за что и получил от Пеликанова уверенный мысленный зачет:

– На отца что-то внезапно нашло. Но друзья все равно называют меня «Жора», – коротко пояснил он.

– Понятно, понятно, – улыбнулся Зайцев, усаживаясь напротив.

Жора заметил, что его выпуклые глаза слегка косили в разные стороны, поэтому было трудно определить, на чем именно он фокусирует внимание.

– Далеко путь держите? – спросил Зайцев, сняв с себя дорогую гладкую кожанку и вполне освоившись.

– Билет у меня до Вологды, а дальше на перекладных, как придется, – неопределенно пояснил Жора, с силой надавливая ногтем на апельсиновую кожуру.

Про то, что едет в Заповедник, рассказывать не хотелось. Как любил говаривать ушлый Сизифский, чем меньше о тебе знают, тем дольше ты живешь.

– Не в Кириллов, часом?

– Тут такое дело, я и сам не до конца знаю, – усмехнулся Пеликанов.

– Как так? – удивился Зайцев.

– Да вот так. В Вологде обещали встретить и завезти в непролазную глушь.

Иван Михайлович покосился на его морпеховский камуфляж, скромно висящий на крючке.

– На охотника вы вроде не похожи, на любителя рыбалки тоже, – вслух рассудил он, смеривая Пеликанова взглядом опытного портного.

– Я журналист. Хотите? – Жора протянул ему половинку своего цитруса, надеясь отвлечь интерес профессора от собственной персоны.

– Благодарствую. – Зайцев едва заметно грассировал. – Значит, куда пошлют?

– Посылают нашего брата все больше в одно и то же место, – натужно сострил Пеликанов, разжевывая брызжущую во все стороны апельсиновую мякоть.

– А я в Архангельск, к дочери. – Профессор отечески вздохнул и стал в задумчивости двигать челюстью.

«С таким-то портфелем?»

– Она просила для ее студентов несколько лекций прочитать, – снова, будто угадав его мысли, поспешил объяснить Зайцев.

Жоре стало немного не по себе, он решил, что с профессором нужно держать ухо востро.

– Преподаете, Иван Михайлович?

– Угу. Есть немного.

Жора почувствовал, что за его слегка развязным ответом скрывается ощущение собственной значимости.

– Я тоже немного на журфаке преподавал, по приглашению, – вяло откликнулся Пеликанов, ввинчивая взгляд в унылый осенний пейзаж за окном с почти оголившимися деревьями и мрачно дымящими на горизонте трубами.

Октябрь начал несмело набрасывать на стекло редкие капли дождя. Наступившее молчание прервала проводница, резко рванувшая купейную дверь, так что вздрогнул и завибрировал никелированный замок.

Вологда? Очень хорошо. Не беспокойтесь, я вас разбуду. Архангельск? Еще лучше. Чаю желаете? Есть кофе. Нет, только капучино. Не курите? Если курите, окурки на пути не бросайте, а то начальник поезда ругается.

Пока она говорила, Пеликанов с животноводческим интересом наблюдал за ее тонким почти детским предплечьем, покрытым легким светлым пушком, потом спросил, в какой стороне находится вагон-ресторан. Спросил просто так, на всякий случай, рассчитывая понаблюдать за тем, как из ее небольшого рта, окаймленного тонкими, почти бесцветными губами, будут сыпаться слова. Оказалось, всего через два вагона, по пути следования, близко.

– Много не пейте, а то я вас не разбуду, – сказала она, быстро взглянув на Пеликанова. В голосе проводницы слышалась искренняя забота, помноженная на многолетний профессиональный опыт. Ее маленькое лицо с заостренным подбородком и живыми, четко подведенными глазами излучало крысиное участие.

– Командировочные? Билеты нужны? Если будет дуть, опустите шторку.

В своем стремительном речитативе она еще упомянула титан и туалетную бумагу.

– Знаете что, если вы не против, Горгий Павлович, я вас тоже угощу, – предложил Зайцев, после того как шустрая словоохотливая проводница уткнулась в коридор.

Не дожидаясь ответа, он отер пальцы носовым платком и ловко извлек из своего профессорского портфеля бутылку виски Jack Daniel's, которую и предъявил Пеликанову, держа двумя руками, как артиллерийский снаряд:

– А? Если вы не возражаете.

Пеликанов старался не пить в дороге, мало ли что. Но профессору отказывать отчего-то считал неудобным. Да и не пялиться же дотемна в окно.

– С меня закуска, раз такое дело. – Жора, кряхтя, полез в рюкзак и достал оттуда заблаговременно порезанную на кружочки колбасу и еще теплую курицу гриль, истекающую в мятую фольгу удушливым темно-коричневым соком.

Минут через пятнадцать он уже перестал замечать стук колес. А после вторых пятидесяти профессор стал рассказывать о себе и вообще удивительные вещи.

Оказалось, что Иван Михайлович Зайцев, росший в семье потомственных московских интеллигентов-естественников в четвертом поколении, с юности был захвачен страстью ко всяческому оккультным наукам.

Все началось с находки, неожиданно сделанной им в отцовской библиотеке.

Это было еще дореволюционное, прижизненное издание Папюса, 1911 года. Открыв книгу из любопытства, Ваня Зайцев прочел ее всю в один присест тут же, не отходя от книжного шкафа. А на следующий день свалился в постель с высокой температурой, то ли от простуды, полученной в результате долгого стояния на сквозняке, то ли от потрясения прочитанным. Так как ничего подобного среди отцовских книг больше не находилось (по всей видимости, Папюс достался отцу случайно, в наследство от бабки, воспитанницы Смольного института благородных девиц), Зайцев стал регулярно после школы ошиваться возле букинистического магазина на Трубной, рассчитывая выйти на нелегалов, торгующих редкой и запрещенной литературой.

Вскоре, как ни странно, ему это удалось. Странно потому, что на тот момент Зайцеву едва исполнилось четырнадцать. Да и к выводу о том, что такие люди должны существовать и крутятся они именно возле букинистических магазинов, он пришел чисто умозрительно. Священную каббалистическую книгу «Зоар» в русском переводе Зайцев лихо выменял на привезенный отцом из Англии двойной виниловый альбом «The Dark Side of the Moon».

В шестнадцать, по собственному признанию, он уже устраивал дома подпольные спиритические сеансы, делал нумерологические расчеты, составлял натальные карты и ставил алхимические опыты, выдавая их за страстное увлечение фотографией. Денег на покупку новых книг ему теперь хватало, да и не только. Еще через год Ваня Зайцев, слышавший к тому времени в кругах доморощенных столичных эзотериков юным дарованием, организовал из своих знакомых тайное общество последователей Гермеса Трисмегиста с далеко идущими планами мистического переустройства всей политической системы Железной империи, озаряемой сквозь грозы негаснущим солнцем свободы.

– Все закончилось, как и следовало ожидать, – подвел итог своим юношеским поискам мистического и трансцендентного Иван Михайлович.

– Вас сожгли на костре? – пошутил Пеликанов, вспомнив о давнем поклоннике Трисмегиста – Джордано Бруно.

– Нет, гораздо прозаичней, – хмыкнул Зайцев. – Кто-то из своих же настучал куда следует, и нашу шарашкину контору быстро прикрыли. Хорошо еще, что все члены тайного общества на тот момент были несовершеннолетними, а то бы такую статью припаяли. Отца, правда, тогда вызвали в комитет для беседы. – Иван Михайлович флегматично почесал голову, припоминая. – Сказали, что если он сам быстро мне мозги не вправит, то они сделают все, чтобы убрать его с должности заведующего кафедрой в университете. Меня грозились исключить из комсомола, а это, знаете ли, в те времена ставило крест на перспективе получения высшего образования, что в глазах моих родителей было равносильно гражданской казни. – Зайцев, оставаясь бесстрастен лицом, обнажил свои ровные, мелкие зубы.

– И что отец?

– Умер.

– Умер?!

– Вскоре после того разговора скоропостижно скончался в вагоне метро. Обширный инфаркт, – буднично констатировал профессор.

– М-да... – Пеликанов сочувственно покачал головой. – Надо же.

Иван Михайлович стал разливать по третьей, которую выпили молча, не чокаясь.

– И что было дальше? – Жора, отломив кусочек от куриного бока белого мяса со шкуркой, пытался разгадать запах специй.

– Дальше я понял, что впредь нужно быть умнее, то есть заниматься оккультизмом и магией в одиночку. И потом, я решил, что связь с миром мертвых следует устанавливать на вполне научной основе.

– Вы не перестаете удивлять меня, Иван Михайлович, – искренне восхитился Пеликанов. Он еще раз оглядел профессора. Даром что пятнадцать лет в журналистике, кого только не видел, а про него – никогда бы не подумал.

– Пустяки, – отмахнулся Зайцев. – Вы слышали что-нибудь о морталогии?

– Пожалуй, нет. А что это?

– Наука о смерти.

– Ого! – Пеликанов потянулся за салфеткой.

– Изначально она была чем-то вроде маргинальной части антропологии, касающейся изучения поминальных обрядов и древних погребальных культов. В ее рамках также описывались способы общения живых и мертвых у различных первобытных племен. Так сказать, в контексте неизбежной культурной дихотомии жизни и смерти, – конспиративно подмигнул Зайцев. – Но постепенно она выделилась в самостоятельную науку. Морталогия более-менее свободно развивается в США, Германии и во Франции. В одно время ее ряды активно пополнялись французскими структуралистами, – продолжил объяснять Зайцев.

– А в России? – поинтересовался Жора. – Так вы, значит, морталогию преподаете, Иван Михайлович? – осенило его.

Профессор взглянул на Пеликанова, как на сумасшедшего.

– В России такое возможно разве что в элективной форме и в предельно гомеопатических дозах, да и то чисто теоретически. Как вы себе это представляете, в рамках нынешнего образовательного стандарта?

Жора никак себе не представлял и самого образовательного стандарта, но в общем и целом догадывался. Однако после ста пятидесяти у него возникла хулиганская мысль.

– Так вдруг они там в Кремле с Ильичом или с Иосифом Виссарионовичем захотят посоветоваться? – стрельнув глазами в небо, весело предположил он.

– Они и так советуются, – серьезно ответил Зайцев. – По-старинке работают, ретрограды. А между тем мы тут кой в чем преуспели, – выдержав небольшую паузу, не без удовольствия сообщил он.

Пеликанов догадался, что под «нами» Иван Михайлович имел в виду почти наверняка исключительно себя.

– Я про вас статью напишу, хотите? – предложил Жора.

– Не напишете, – немного подумав, ответил профессор.

– Это почему?

– Когда я расскажу вам, сами поймете.

Иван Михайлович как-то странно насупился и стал смотреть исподлобья. «Как вебрь», – пронеслось в голове у Жоры. В профессорском взгляде ему даже почудилась некая скрытая угроза. Но он догадался, что Иван Михайлович здесь ни при чем. Сквозь него проступала какая-то иная мрачная, нечеловеческая сила.

– Расскажите, там видно будет, – пожал плечами Жора.

Зайцев еще какое-то время мялся и ерзал, будто прикидывал, стоит ли, в самом деле. Потом, по всей видимости, задумался, с чего лучше начать.

– В особенности после смерти отца, мне не давал покоя один вопрос, – начал наконец он, став едва заметно раскачиваться. – Где находятся мертвые? Откуда, из какого места они приходят, чтобы общаться с живыми? Надеюсь, вы понимаете, дорогой Горгий Павлович, что если существует так называемый «тот свет», то он непременно существует где-то, а стало быть, находится в определенном пространственном положении относительно мира живых, каким бы диким, на первый взгляд, ни казалось это утверждение. К примеру, еще ваш знаменитый тезка Горгий Леонтийский считал существование «нигде» полнейшей нелепицей и внутренне противоречивой невозможностью.

Пеликанов кивнул, хотя такая постановка вопроса и в самом деле показалась ему диковатой.

– Пока мне все кажется логичным, – согласился Жора. – Но разве о местонахождении того света нельзя напрямую спросить, допустим, у тех же мертвых?

– Я спрашивал, – мгновенно откликнулся Зайцев, – много раз. Все, к кому я обращался с данным вопросом, либо молчали, либо отвечали предельно иносказательно и расплывчато.

– И какой вы сделали из этого вывод?

Профессор с сомнением скривил рот.

– Я допускаю, что они не хотели говорить об этом. Но мне показалось, что, скорее всего, имело место другое: грамматика человеческого языка просто не приспособлена для выражения ответов на подобные вопросы, – он коротко взглянул на Жору с тем, чтобы оценить, насколько тот его понимает.

– В общем, Людвиг Витгенштейн, – откликнулся Пеликанов.

– Да, что-то вроде того, – согласился профессор.

– Но ведь у вас есть ответ, Иван Михайлович, – улыбнулся Жора.

Пеликанов был почти уверен, иначе профессор не стал бы затевать с ним этот разговор.

– Примерно через год после смерти мне приснился отец. Выглядел он весьма странно, в каком-то мешковатом рубище, с густой черной бородой. Он стоял на идеально ровной геометрической плоскости. На его голове виднелся острый кожаный колпак, сшитый из лоскутов звериных шкур. Он был бос, и я с удивлением смотрел на его длинные скрючивающиеся ногти. Воздев к небу палец, отец произнес, обращаясь ко мне: зри в точку! – Иван Михайлович с живым артистизмом продемонстрировал, как это все было.

– Занятно. И больше ничего?

– Ничего. Сначала я подумал, что он советует мне погрузиться в глубокую медитацию. Многим мудрецам прошлого после долгого глядения в одну точку открывалась истина. Почти месяц я каждое утро садился в падмасану и сосредотачивал все свое внимание на едва заметном пятнышке, которое специально для этого нанес на стену черным фломастером, пока не осознал свою ошибку.

– Ошибку?

– Разумеется. Это называется ошибкой культурного человека. Она заключается в том, что культурный человек уже ничего не способен воспринимать непосредственно и буквально. Отец ведь не сказал мне: смотри на точку. Он сказал: смотри в точку. То есть внутрь. Замечаете разницу?

Жора чувствовал, что ему внезапно приспичило и необходимо срочно прогуляться до туалета. Но Иван Михайлович, похоже, налился вдохновением.

– Ведь точка, если вдуматься, является самой загадочной мысленной сущностью. Именно мысленной! Находясь в пространстве, она не имеет размеров и не занимает места. Точка предельно самодостаточна и располагает собственным внутренним пространством, на вход в которое она и указывает как чистый маркер места: здесь! – Зайцев воткнул в столешницу указательный палец. – Не допустив этого, мы никогда бы не смогли объяснить...

– Ради бога, извините, Иван Михайлович, что прерываю на самом интересном месте. Мне необходимо на минуточку. – Пеликанов изобразил на лице крайнюю степень надобности.

– Валяйте, – разочарованно согласился Зайцев.

Вагон плавно раскачивало из стороны в сторону. Жора двинулся по коридору, держась за поручень, чтобы ненароком не швырнуло. Навстречу ему попался похожий на гнома глухонемой разносчик газет. Дойдя до туалета, Жора заметил дожидающуюся очереди мамашу с ребенком, мальчуганом лет четырех-пяти, понял, что их ему не переждать, и решил попытать счастья в соседнем вагоне. Там оказалось свободно и даже относительно чисто.

Вакуумный ватерклозет издал характерный засасывающий звук, целостный и законченный, как афоризм. Так было теперь, а в поездах его мятежной юности можно было, нажав ногой на механическую педаль, увидеть вращающуюся с бешеной скоростью землю. Однажды, гипнотически замороженный этим видом, Жора стоял так, потеряв счет времени, пока в дверь не стали требовательно стучать железным ключом «гранкой».

Пеликанов сложил ладони ковшиком, будто просил у автоматического умывальника благословения, и взглянул в зеркало. На шее он заметил маленький красный прыщик. По опыту знал: стоило ему только сесть в поезд, как прыщик мог выскочить неизвестно откуда в самом неподходящем месте. Ему казалось, что во всех случаях прыщик был один и тот же. Он осторожно потрогал его пальцем и решил, что давить пока рано.

Выйдя из уборной, Жора направился не в купе, а в сторону вагона-ресторана. Зачем – он и сам не до конца понимал. Просто хотелось взглянуть и убедиться, что маленькая проводница сказала правду.

Переход, соединяющий вагоны, оглушал грохотом колесной канонады. Только с третьей попытки Жоре удалось отгородиться от шумного тамбура, захлопнув за собой дверь, стремящуюся, как пьяный в новогоднюю ночь, распахнуться настежь.

– Извините, закрыто на обслуживание.

Дорогу ему преградил официант с черной шелковой бабочкой под кадыком. Он будто бы вынырнул откуда-то прямо из середины 80-х: модельная стрижка, аккуратные халдейские усы, рубашка с коротким рукавом. Его бутафорский облик венчал дешевый пластиковый бейджик с надписью от руки: Жека. Столы, покрытые белыми льняными скатертями, за спиной официанта уставлялись соленьями и холодными закусками. В центре каждого стола виднелась чебурашка «Столичной» в окружении минеральной свиты.

– То есть?

– То и есть, – лапидарно парировал Жека, нагло в шурясь.

– По какому случаю торжество, если не секрет? – глядя ему прямо в глаза, спросил Пеликанов.

У него все еще оставалась надежда, что он присутствует при репетиции какой-то историко-гастрономической реконструкции.

– Свадьба. Дочь начальника поезда выходит замуж. Так что извините, – слегка развел руками Жека.

– Да ничего, пусть... выходит.

– Что-нибудь еще?

Внимание Жоры привлек работающий в глубине буфета телевизор. На экране между бутылками шампанского маячил еще молодой и стройный Юрий Антонов.

– Да, пожалуй, нет.

– Тогда прощайте.

– Куда деваться, прощаю.

Пеликанов развернулся и пошел восвояси.

– Принимаем заказы на проведение детских праздников, дней рождения, поминок, – крикнул ему вдогонку официант.

Поминок... Издевается, гаденыш, подумал Жора.

Вернувшись назад в купе, он не застал на месте Зайцева.

Из темноты через приоткрытое окно внутрь врывается мглистая осенняя сырость с запахом прелых листьев и жженой резины. Ветер теребил и высоко вздымал атласную занавеску. Мимо неслись бетонные столбы фонарей. У Жоры возникло подозрение, что Зайцев мог, неожиданно уменьшившись в размерах, выпрыгнуть в окно. И это несмотря на то, что его куртка по-прежнему висела у изголовья, а чуть приоткрытый портфель стоял, покачиваясь, на нижней полке.

Проводница самозабвенно подметала пол в тускло освещенном служебном купе.

– Ресторация-то того, закрыта на обслуживание, – издали начал Пеликанов.

– Да, я ведь совсем забыла, Леночка выходит замуж.

Она разогнулась и убрала запястьем со лба растрепавшиеся волосы.

– Я и не знал, что нынче для свадеб вагоны-рестораны арендуют, – усмехнулся Жора.

– Ну а что. Кто-то на полярной льдине справляет, кто-то на воздушном шаре. Олег, он ведь в РЖД служит.

– Олег?

– Ну да, жених.

– Тогда понятно, – соврал Пеликанов.

– Вы бы мне сразу сказали, чего нужно, я бы вам сама принесла.

– Сразу я не знал, – посетовал Жора.

– Так я могу сейчас сходить, только пол дometу и руки помою. Сходить?

– Нет, спасибо, не нужно, я так...

– Ну как знаете. Вологда?

– Да.

– Видите, я помню, – проводница снова принялась за уборку.

Жора потоптался с ноги на ногу, рассматривая ее проступающий через форменную юбку четко очерченный муравьиный зад.

– Мой сосед по купе. Вы не знаете, куда он делся? Что-то давно его не видать.

На этот раз она распрямилась стремительно, как от змеиного укуса.

– Только этого мне не хватало!

– Чего? – не понял Пеликанов.

В расширившихся серых глазах проводницы застыл первобытный ужас.

– Чего – пропащих! Прошлой осенью прямо эпидемия какая-то была. Шестеро! В этом году, думали, слава богу, а оно, прости господи, опять началось.

Проводница начала судорожно стягивать с себя перчатки, а потом стала размашисто креститься на иконку Пресвятой Богородицы, висящую в углу над металлической раковиной.

Жора плохо понимал, о чем она и что вообще происходит.

– Подождите, вы хотите сказать, у вас это регулярно люди пропадают? – оторопел Пеликанов.

– Да никакие они не люди, говорю же – пропащие. На поездах северного направления такое уж сколько лет творится, никто и не помнит, когда началось. То у нас объявятся, то на Мурманском, то на Вятском, – начала быстро перечислять она. – Иногда, бывает, на Воркутинском, но это редко. Войдет такая нежить под видом обычного пассажира, посидит-посидит, чаю попьет, а потом, исчезает, поминай, как звали. Да еще и прихватит с собой что-нибудь, а нам – отчитывайся за недостачу. Лет двадцать тому назад, говорят, на «Карелии» повадились ездить, каждую неделю до Рождественского поста пропадали.

– Вы сейчас серьезно? – Жора всматривался в проводницу так, словно пытался разглядеть внутри нее какой-то удивительный механизм, заставляющий ее нести всю эту фантастическую чушь.

– Нам шутить на работе не положено. У нас с этим строго, – предупредила она.

– Куда они на поездах дальнего следования могут ездить? – изумился Пеликанов.

Он вспомнил, что в Средние века существовали «корабли дураков», на которых за пределы городов высылали душевнобольных, прокаженных и пьяниц, а ему в силу каких-то особых заслуг посчастливилось оказаться в поезде сумасшедших. По всей видимости, неспроста.

– Откуда мне знать? Я сама крещеная, и сына, как положено, на сороковой день окрестила, – зачем-то добавила проводница.

– И что, вещи вот так после себя оставляют? Куртки, портфели, зонты? – усомнился Жора.

– Да вроде нет, не было такого.

Пеликанов услышал в голосе проводницы затеплившуюся надежду.

– А ваш сосед без вещей пропал?

Когда они достигли восьмого купе, Иван Михайлович Зайцев сидел на своем месте, как ни в чем не бывало, закинув ногу на ногу, и всем видом выражал удовольствие от поедания шоколадной конфеты.

– Так здесь он, а вы говорите, – обиделась проводница.

– Иван Михайлович, я вас потерял, я уж было... – залепетал Жора.

Заметив стоящую на столе бутылку виски, проводница понимающе качала головой.

– Я решил, что для вас будет лучше один раз увидеть, – объяснил Зайцев, когда они вновь остались одни. – Точнее сказать, наоборот, потерять меня из виду.

– Так вы говорите, что все время никуда не отлучались? – не мог поверить Пеликанов.

– Скажем так, я не совершал никаких пространственных перемещений, – уточнил профессор.

– Тогда как же?

Жоре казалось, что если это не гипноз, то какой-то хитроумный фокуснический трюк в стиле Дэвида Копперфильда, построенный на оптическом обмане.

– Нет, – твердо заявил Зайцев. – Никаких специальных приспособлений, чтобы обмануть вас, дорогой Горгий Павлович, у меня нет, и шапки-невидимки тоже.

Пеликанов нервно отпил воды из пластиковой бутылки.

Зайцев рассмеялся.

– Помните, дорогой Горгий Павлович, как прячутся маленькие дети? Они с силой зажмуривают глаза и закрывают лицо руками, чтобы их никто не нашел. Нам подобный ход мыслей кажется трогательным и наивным. Мы считаем, что дети совершают логическую ошибку, полагая, что если они никого не видят, то и сами для других становятся невидимыми. Но должен вам сказать, что в целом они действуют верно.

– Вот как? Интересно.

– Когда гоголевскому Вию поднимают веки, чтобы он смог разглядеть Хому Брута, – заулыбался Зайцев, рассеиваясь взглядом во все стороны, – какой-то внутренний голос шепчет Хоме, чтобы сам он не смел смотреть. Но Философ не удержался от любопытства и взглянул и именно этим выдал себя. Его в буквальном смысле пеленгуют, по испускаемому сигналу. Но для того чтобы стать полностью невидимым для других, нужно не только не смотреть на них, нужно стать невидимым для самого себя. Не прятаться, а именно потерять себя из виду и, таким образом, исчезнуть. Но у детей, как правило, не хватает необходимой для этого дхараны. – Зайцев, постучал кулаком по своему колену.

– Чего?

– Дхараны. Так на санскрите называется предельная концентрация, максимально возможное сужение поля внимания, при котором достигается полная пратьяхара, – еще менее понятно пояснил он.

«Полная пратьяхара – это сильно сказано, – подумал Жора, – нужно будет запомнить».

– Но вы ведь, наверное, уже и сами догадываетесь, дорогой Горгий Павлович, что гипотетическим пределом для сужения поля внимания и выражением максимально возможной концентрации является...

– Точка, – дошло до Пеликанова.

– Точка, – подтвердил Иван Михайлович. – Согласно толковому словарю Даля, точка есть результат укола или прокола чем-то острым. Очень верно подмечено. Сконцентрированное сознание подобно острейшей игле или тончайшему лазерному лучу. Оно способно в буквальном смысле проколоть пространство, пронзить его насквозь. – Зайцев сделал изящный фехтовальный выпад зонтом.

– Сознание – да, но ведь пропадает тело! – напомнил Жора.

– А разве вы меня сейчас видите телом? – обезоруживающе улыбнулся Зайцев. – Все, что может тело, – это передавать в мозг зрительный сигнал, преобразующийся в нервные импульсы, но само видение без участия сознания невозможно.

– Ну да, – согласился Пеликанов, найдя такое объяснение вполне логичным. Но тут же опять засомневался: – А если бы я решил поискать вас, допустим, руками?

– То есть как в жмурках, – подсказал профессор.

Жора отметил, что объяснение фокуса с его исчезновением снова было каким-то образом связано с известными детскими играми.

– Вы хотите сказать, что, дотрагиваясь до вас, я бы просто не осознавал этого и ничего не чувствовал?

Зайцев посмотрел себе под ноги.

– Как можно дотронуться до того, чего нет в пространстве вашего восприятия? – спросил он.

– Тогда не понимаю, – признался Жора. – Если вы говорите, что оставались на месте, Иван Михайлович...

– Вы представляете себе дело так, будто существуют независимые от сознания органы чувств, которые прикручиваются к нему в виде различных насадок – зрения, слуха, обоняния, осязания, тактильных ощущений. Но должен вам заметить, дорогой Горгий Павлович, что нет никаких отдельных от сознания органов чувств, равно как и ощущений. Нет также никаких особых пространств чувственного восприятия, в которых вы могли бы отыскать мое брненное тело. Только сознание в итоге решает, что есть, а чего нет, присутствует нечто в данный момент или отсутствует. Не хочу излишне забивать вам голову, но и само понятие нынешнего «момента времени» образуется только в процессе такой разметки пространства. Иначе о нем вообще говорить бессмысленно.

– Почему же мое сознание сначала решило, что вы есть, а потом – что вас нет? – не унимался Пеликанов.

– Потому, что вы сами сначала находились в том пространстве, где могли меня видеть, а потом в том, где меня не было.

Зайцева стало весело потряхивать. Сначала он еще сдерживался, а потом, не разжимая губ, начал издавать какие-то приглушенные, сиплые звуки.

– Ничего не понимаю, – сдался Жора.

Иван Михайлович, вдоволь насладившись его растерянным видом, заговорил серьезно:

– Люди древности не считали мир мертвых недоступным для себя пространством. Сохранились египетские, шумерские и греческие мифы, в которых героям еще при жизни удавалось достичь его и даже, иногда, успешно возвратиться обратно. Не вспомните, как далеко им приходилось идти?

– Учитывая не очень большой размер средиземноморской ойкумены, – начал было Жора. – Но ведь география в данном случае довольно условна, – вовремя опомнился он.

– Насколько условна? – требовательно спросил Зайцев.

Пеликанов пожал плечами.

– Не знаю. Конкретно не задумывался.

– Как-то перечитывая миф об Орфее, я наткнулся на одну весьма любопытную деталь, которой никогда раньше не придавал значения. Это ведь тоже в какой-то мере иллюстрирует ваш вопрос о том, почему мы в одном и том же пространстве можем что-либо видеть или, наоборот, не замечать в упор. – Профессор улыбнулся какой-то странной, натянутой улыбкой. – Орфей спускается в царство теней за своей мертвой возлюбленной Эвридикой и оказывается в тронном зале, в котором восседают Аид и Персефона. Так вот, буквально, миф говорит следующее: *«В темных углах зала, за колоннами, прятались воспоминания»*. Каково? – Иван Михайлович победно сверкнул глазами.

Жора читал в детстве «Легенды и мифы Древней Греции» Куна, но либо не помнил этой детали, либо не нашел в ней тогда ничего примечательного.

– Уж поверьте, – заверил его Зайцев. – Вам не кажется, что, если вдуматься, эта ремарка многое проясняет?

Пеликанов почувствовал, как кожа его головы начала быстро неметь.

– Так подождите, получается, царство мертвых – это все, прямо не выходя из головы? – спросил он, для того чтобы удостовериться в своей догадке.

– И снова – в точку! – похвалил профессор. Он выглядел довольным. – Как видите, эта мысль, несмотря на ее кажущуюся странность, является вполне естественной. Мне довольно быстро удалось отыскать в литературе несколько психоаналитических трактовок данного мифа, в которых подземное царство рассматривалось в качестве метафоры бессознательного. Была ли преисподняя метафорой бессознательного или бессознательное явилось метафорой преисподней, думаю, это не столь важно. – Зайцев затряс коленом. – Меня взволновало другое.

Я внезапно понял, что всякое разделение пространства на «внешнее» и «внутреннее» чисто условно. Ментальные, физические, верхние, нижние, а также всяческие другие миры – вот это метафора! Они лишь плод умственного воображения, а это значит, что на самом деле между ними нет никакой реальной границы. Понимаете?

– Чисто теоретически – да, – скромно подтвердил Жора.

– Потратив примерно полгода на изучение различных источников, я вполне убедился в том, что Машина Пространства существовала. – Зайцев, на несколько секунд забывшись, стал грызть ноготь.

– Вы сказали «Машина Пространства»?

Поезд качнуло вперед, и дверца купе слегка отъехала, из коридора мгновенно ворвался бешеный, аритмичный перестук колес. Пеликанов поднялся, чтобы прикрыть дверь.

– Никогда про такую не слышал. И как же она выглядит? – спросил Жора, возвращаясь на место.

– Разумеется, Машина Пространства – это не техническое приспособление, а собирательный образ, – хмыкнул профессор. – И все же принцип ее работы вполне конкретен. Дело в том, что ум тратит колоссальную энергию на поддержание границы между внутренним и внешним. И эти усилия, направленные на создание иллюзии, как ни странно, имеют самое непосредственное физическое выражение. Достаточно вспомнить знаменитую формулу Эйнштейна: $E=mc^2$, чтобы подсчитать, сколько требуется энергии для того, чтобы внешний материальный мир с его звездами, планетными системами и галактиками продолжал существовать. Но если перестать тратить энергию на поддержание иллюзии внутреннего и внешнего, ее с лихвой должно хватить на любые пространственные путешествия, – оптимистично заключил Зайцев.

– Да, но как их осуществлять? – вскинулся Пеликанов.

– Ах, дорогой Горгий Павлович. Извольте видеть, что в упомянутой мной формуле Эйнштейна отсутствует время. Это означает, что за все уже заплачено вперед, что все уже от века осуществлено и достигнуто. Нам остается лишь отвлечь внимание от собственной персоны и найти нужный выключатель.

– Иван Михайлович, – взмолился Жора, – а вы бы могли еще раз продемонстрировать?

– Не верите, Горгий Павлович, – профессор снова в задумчивости задвигал челюстью.

– Вы уж простите. Больно все необычно как-то.

– Я, конечно, могу исчезнуть прямо при вас. Но предупреждаю, вам будет казаться, что я все еще здесь. Это связано с тем, что для переключения картинки вам потребуется все-таки на некоторое время потерять меня из виду, иначе, – профессор сделал ударение на первом слоге, – вы просто не поверите в происходящее. Своего рода, инерция восприятия.

– Я понял, Иван Михайлович. Мне выйти?

– Ну, выйти, или зажмуриться, – почесал висок Зайцев.

– Ей-богу, ни с чем подобным не сталкивался, – признался Жора.

Выскользнув в коридор, он прикрыл ладонями глаза и стал считать до тридцати. До тридцати, решил он, будет достаточно. Проходившая мимо грузная женщина с контейнером Доширака неодобрительно взглянула на взрослого человека, вздумавшего играть в поезде в прятки. Но Пеликанов этого не видел, он вообще ничего вокруг себя не замечал, продолжая вглядываться в жирную, как обувной крем, темноту, маячащую перед глазами. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Как в детстве, думал он.

К тому, что Ивана Михайловича снова не окажется на месте, Пеликанов внутренне был готов, но его охватило странное ощущение дежавю. Он точно помнил, что, когда выходил из купе, окно было закрытым. Теперь, стоя в дверях, Жора слышал тот же самый вваливающийся вместе с потоком вечернего воздуха в купе нудный стук колес, чувствовал тоскливый запах прелых листьев, смешанный с острой резиновой гарью, и видел вздымающуюся атласную занавеску.

веску, напоминающую истерзаный ветром парус, за которой мельтешили знакомые бетонные столбы с одинаковыми желтыми фонарями.

Память! Изображение создает не восприятие, а память! – внезапно осенило его.

Пощупав руками воздух на том месте, где минуту назад сидел Зайцев, Пеликанов решил основательно осмотреть купе. Сначала он заглянул под сиденья, потом на верхние багажные полки (на одной из них он обнаружил забытый кем-то старый кроссовок, кажется левый). Если Иван Михайлович сейчас видит его, то наверняка умирает со смеху, думал он. Ниша над дверью была заполнена двумя свернутыми в рулон старыми матрасами. Пеликанов потянул створку окна двумя руками вниз и высунул голову.

Его тут же чем-то ослепило, шаровой молнией или магниевой вспышкой, он так и не разобрал. А может быть, взорвалось одно из множества железнодорожных солнц. Где-то впереди раздался надсадный рев локомотива. Еще через секунду пространство резко швырнуло вниз какую-то черную птицу, которая едва не врезалась ему в лоб. Совершив немислимый вираж, птица в последнее мгновение чудом ушла от столкновения. Жора отчетливо видел глядящий на него внимательный птичий глаз. У него перехватило дыхание, и он резко втянул голову обратно. Что это было? Какого черта?

– Вы думали, я снова спрятался на крыше вагона?

Зайцев преспокойно сидел на своем месте и с интересом рассматривал его перемазанное копотью испуганное лицо.

– Иван Михайлович...

– Присаживайтесь, дорогой Горгий Павлович.

Профессор заботливо разлил виски, понимая, что Пеликанову сейчас необходимо успокоиться и прийти в себя. Жора стал отирать лицо смоченным водой вафельным полотенцем.

– Где вы были?

– А где в данный момент находитесь вы? Я не имею в виду ваше тело, – уточнил Зайцев. – Где находятся ваши мысли, воспоминания, эмоции? Вы уверены, что могли бы показать мне это место достаточно уверенно и точно? Вот то-то и оно.

Жора почувствовал разливающееся по желудку тепло. Его мысли были в полном раздразе, они носились как обезумевшие от духоты мухи в закрытой трехлитровой банке, а тело, на удивление, пребывало в полном порядке.

– Вы видели меня, Иван Михайлович? – поинтересовался он чуть погодя.

– К обычному зрению, при помощи которого мы воспринимаем физические объекты, это не имеет никакого отношения.

Пеликанову часто приходилось слышать про так называемое духовное зрение, открывающее пространство за пределами чувственного мира. Но как человек современный и образованный, он считал это красивой поповской выдумкой, которой служители церкви набивали себе цену в глазах доверчивых прихожан.

– Нет, я, наверное, никогда не пойму, – выдохнул он.

– Тут и понимать нечего, – фыркнул Зайцев. – Нужно просто один раз попробовать.

– Но как?

Профессор немного помолчал в раздумье.

– Вы ведь в Заповедник направляетесь, не так ли? – Он поднял на Пеликанова свой неопределенно рассеивающийся в пустоте взгляд.

– Так, – не стал врать Жора.

– Если посчастливится добраться, там все сами и увидите, – заключил Зайцев.

– А что, можно и не добраться?

– Можно.

– Вы бывали там, Иван Михайлович? – Пеликанов был почти уверен, что это так.

– И да, и нет. Вы говорите о Заповеднике как о какой-то обнесенной колючей проволокой территории, которую можно обозначить на карте.

– Признаться, я его так себе и представлял: огороженная заборами секретная зона, лес, дикие звери, глухомань, – усмехнулся Жора. – Разве нет?

– Внешне оно все примерно так, – подтвердил профессор. – Но в действительности Заповедник никак не выглядит и нигде не находится. Я хочу сказать, что для каждого, кому удастся попасть туда, он будет выглядеть по-своему, а о его местонахождении можно говорить лишь условно, в связи с расположением определенной точки входа. Поэтому я и ответил вам вроде бы уклончиво. Но определенной сказать я не мог, так как нельзя утверждать, что я был в том самом Заповеднике, в котором, возможно, через некоторое время окажетесь вы.

Знал бы Сизифский, куда его посылает, удвоил бы командировочные, подумал Пеликанов. Это даже не Кабул с его вечерними забавами, это вообще черт знает что такое.

– Так что он такое, Иван Михайлович? – Жора придвинулся к столику вплотную, чтобы ничего не пропустить.

– Опять же, для всех по-разному, – усмехнулся профессор. – Я склонен считать его чем-то вроде пространства личной мифологии. Ну, если уж говорить совсем просто, – поморщился Иван Михайлович, видя, что его собеседнику все еще требуются дополнительные разъяснения. – Человек может, оказавшись там, разобраться в себе и увидеть свое истинное предназначение. Хотя я и против такого упрощения сути, – тут же поспешил оговориться он.

– Ну и как же попасть в тот настоящий Заповедник?

– Не ищите его, он вас сам найдет, – коротко отрезал Зайцев. – Возможно, там вы поймете, что такое Машина Пространства.

В этих словах профессора Жоре почудилось что-то неизбежное и зловещее.

– Я когда выпью, могу во сне храпеть, – предупредил Пеликанов, устраивая голову на подушке.

– А я – бубнить тибетские мантры, – глухо отозвался Иван Михайлович.

Он лежал на боку, отвернувшись к стенке. Из-под одеяла выглядывала его широкая медвежья спина в белой майке.

Пеликанов не понял, шутил профессор или говорил серьезно.

Когда маленькая проводница, как и обещала, разбудила Пеликанова затемно, Ивана Михайловича в купе снова не было. Жора красными заспанными глазами внимательно всматривался в профессорскую постель. Она казалась девственно чистой и нетронутой. В ее изголовье стояла пышная подушка-треуголка. Таким манером заправляли кровати давным-давно, много лет назад в детских садах и лагерях летнего отдыха. Пеликанов, хоть и плохо соображал спросонья, но догадался, что эту картинку вновьставляет его память, причем на этот раз долгая. Неудивительно, что в его давних воспоминаниях не было и не могло быть места профессору Зайцеву, с которым он познакомился едва-едва, накануне. Орудя во рту механической зубной щеткой, Жора внезапно осознал причину появления одинокого кроссовка на багажной полке, обнаруженного при вчерашнем осмотре купе. Это был его собственный Adidas, потерянный в поезде Москва – Сочи двадцать два года тому назад.

Сойдя на треснувший вологодский асфальт, Жора услышал за спиной: «Вы там поаккуратней». Он обернулся. Маленькая проводница, держась за вагонные поручни, озабоченно всматривалась в хмурую осеннюю даль.

Глава 2

Встречающего из местной редакции узнать было нетрудно. Он стоял возле старенькой Toyota RAV4, держа в руке фанерную табличку, напоминающую иллюстрацию к веселой детской «Азбуке». На табличке был нарисован кургузый длинноклювый пеликан.

Через площадь двое полицейских вели под руки пьяного мужика в коротеньких резиновых сапогах, мычащего себе под нос что-то неопределенно задумчивое. Больше на привокзальной площади не происходило ничего.

– С табличкой это вы хорошо придумали, – похвалил Жора.

Парень с улыбчивым лицом сельского гармониста представился корреспондентом Сашей.

– Спасибо. Как добрались? – спросил он, с любопытством разглядывая Жорин цифровой камуфляж.

– Нескучно, – нашелся Пеликанов.

– Кажись, не сухопутная?

– Нет. Морская.

– У нас тут моря нет, – весело напомнил Саша, обходя машину.

– В Челябинске есть, а у вас нет? – пошутил Жора.

– Проголодались с дороги, Горгий Павлович? Поедемте в редакцию, там в холодильнике со вчерашнего бутерброды остались, – запросто предложил он.

«Поедемте», – ухмыльнулся про себя Пеликанов, забираясь на пассажирское сиденье.

– А чего вчера, праздник какой был?

– Праздник известный – Кондрат да Ипат, – отозвался Саша, искоса поглядывая на светофор.

Пеликанову показалось, что это какая-то местная присказка. Но вдаваться в дальнейшие расспросы он не стал.

Редакция в старинном купеческом особняке на набережной одноименной реки встретила его густым запахом растворимого кофе с явственно угадывающимся ароматом рижского бальзама.

– Понедельник – день тяжелый. Для творческого вдохновения, – объяснил Саша, предварительно погрозив кулаком в одну из комнат.

– Хорошо тут у вас, – похвалил Пеликанов, разглядывая стены, увешанные грамотами и дипломами в деревянных рамках за победу в региональных журналистских конкурсах.

Он давно заметил, что названия многих региональных журналистских конкурсов отдавали незатейливо-пошловатой геральдикой. Вся обстановка в редакции напоминала офис небольшого бойкого турагентства.

– Не жалуемся, – отозвался Саша, ставя в микроволновку обещанные бутерброды с сыром и копченой колбасой.

– Это правильно, – снова похвалил Пеликанов.

– Если нужна гостиница, так мы мигом организуем, – вспомнил Саша. – Вы к нам надолго, Горгий Павлович?

– Жора, и давай на «ты».

– Понял.

– Я к вам как получится, Саша, – вздохнул Пеликанов.

– О чем написать думаете?

– Думаю, о глухарях на токовище. – Жора, как по клавишам, провел указательным пальцем по пыльному подоконнику.

– В каком смысле?

– В прямом. Еду освещать суровые будни вашего Заповедника.

Саша мгновенно посерьезнел:

– Да какие там будни. Нехорошее это место, гиблое.

Он предложил Пеликанову чай/кофе на выбор.

– Кофе, и чуть-чуть бальзаму, если можно. – Жора солидарно улыбнулся.

Саша на минуту вышел с кружкой в соседнюю комнату.

– Сам-то бывал там? – спросил Пеликанов, когда он вернулся.

Из кружки вкусно пахло чем-то хвойным.

– Что я там забыл? Отца один раз в молодости занесло в те края, говорит, еле ноги унес. Семь дней по болотам кругами ходил. Вконец обессилел, потом полз, как Маресьев. Чуть навсегда там не остался.

– Ну та, то давно было. Наверное, еще до изобретения компаса, – сострил Жора, налегая на колбасный бутерброд. – Теперь время другое – ГЛОНАСС, спутниковая навигация. Небось, не пропаду, а?

Саша смерил Пеликанова недоверчивым взглядом.

– Да ни хрена там работать не будет, – сказал он.

– Это почему?

– Место такое.

– Какое? – продолжал настаивать Пеликанов, отпивая из кружки. Ему хотелось выяснить, что Саше известно о Заповеднике.

– Духоносное. Не приемлет технического прогресса.

– Вот видишь, сам говоришь, место особенное. Значит, разобраться нужно.

– Разбирались тут одни из Питера в позапрошлом году, – буркнул Саша. – Целую экспедицию организовали напрямки к Верховажью.

– Ну и?

– Девять человек – до сих пор ищут.

«Вот Сизифский, сука, наверняка ведь знал, что тут целый „перевал Дятлова“, а мне ничего не сказал», – про себя выругался Жора.

– Вы об этом писали?

– Да нет, тут такое дело... – замялся Саша.

Архиереев, главред вологодской редакции, появившийся ближе к десяти часам, наоборот, как мог успокаивал Жору. Пеликанов, сидя в кресле, разглядывал его белое рыхлое лицо с выражением повышенной социальной ответственности. (Он чем-то отдаленно напоминал ему депутата Исаева.)

– Слухи, конечно, про Заповедник ходят разные, но вы, Горгий Павлович, не придавайте значения. Нормальный, я вам скажу, Заповедник – есть лесничество, собственное охотхозяйство...

– Охотхозяйство?

– Оно не в самом Заповеднике, – смущенно поправился Архиереев, – а как бы при нем. – Он сделал движение рукой, словно краб, отодвигающий в сторону пустую консервную банку, возникшую на его пути.

Пеликанов понимающе закивал.

– Поймите, область дотационная, зарплаты невысокие, народ... – Архиереев быстро взглянул на него. – Нет, народ у нас хороший, народ у нас замечательный, душевный... А вот с инвестиционным климатом, прямо скажем, не очень. Материальная база давно устарела. Мы об этом регулярно писали, пишем и будем писать. Неудивительно, что в отсутствие прочного экономического фундамента, да с перепою, чего только не померещится, – к неожиданному выводу пришел он.

– Разберемся, с божьей помощью, – отозвался Жора.

– Если не лезть в самую глушь без проводников, то ничего плохого, я вас уверяю, не случится. Те-то, питерские, – Архиереев понизил голос до заговорщического, – на свой страх и риск поперлись. Даже службу спасения в известность не поставили. А почему?

– Почему?

– «Зеленая разведка», следопыты хреновы, – раскололся Архиереев, рубанув ребром ладони по столу.

Пеликанов знал, что «зеленой разведкой» называли иностранных агентов, организовывающих под видом природоохранных, экологических экспедиций поиск секретных военных объектов на территории Сибири и Дальнего Востока. Архиереев утверждал, что они проявили интерес и к Заповеднику и бесследно исчезли.

– Машину мы вам обеспечим. До охотхозяйства часа два пути по губернаторской дороге...

– Нет, Дмитрий Петрович, по губернаторской дороге мне не надо, – перебил его Жора. – И охотиться я не люблю, зверюшек жалко. Мне – в самую глушь.

Он вспомнил, как с невыразимой грустью смотрел в детстве на отцовскую резиновую утку и коричневый продолговатый манок, поражаясь тому, насколько все-таки коварные и жестокие существа люди.

Часам к одиннадцати Пеликанов вышел из редакции на набережную. Простуженная серо-голубая река, подернутая морщинистой рябью, медленно утекала под низкий арочный мост. Между деревьев по обоим берегам прятались небольшие церковки, ползли низкорослые кусты с взъерошенными торчащими ветками. Возле одной из них стояли три небольших белоснежных катерка с крестовидными мачтами. Жора решил еще раз набрать Риту. В Заповеднике сотовой связи наверняка не будет. Рита снова убийственно молчала. Выждав с десяток гудков, Жора отключился. Наушник выпал из уха и повис, болтаясь на проводе возле пупа.

– До привокзальной площади как доехать? – окликнул он проходившего мимо деда с плетеной корзинкой, полнящейся странными серыми грибами.

– Садись на любой автобус, – пенсионер махнул рукой куда-то в беспросветное северное небо.

«Верно, Земля круглая, Вологда круглая, жизнь круглая», – думал Жора, стоя возле своего рюкзака в поскрипывающем круге двухсекционного «Икаруса» с гармошкой. Когда кондукторша предложила ему купить билет и заплатить за багаж, он долго не мог понять, чего она от него хочет.

Вокзал был почти пуст и вгонял в уныние отсутствием идей. Редкие пассажиры дремали в жестких деревянных креслах под декоративным картографическим панно ВОЛОГДА-1147. Пару человек стояли возле билетных касс, вяло переговариваясь и туго соображая. Пеликанов решил посмотреть расписание.

Грязовец, Погорелов, Свиноферма, Чарозеро, Тотьма (То – тьма!), Череповец... Чтение автобусного расписания навело Пеликанова на мысль, что преобразования в России следует начинать с незамедлительной топонимической реформы. Названия маршрутных пунктов на карте являли собой наглядную историю какого-то безрадостного катастрофического существования.

Вдруг ему показалось, что где-то в середине расписания забрезжил **Заповедник**. Но все попытки отыскать его вновь приводили только к нарастающему раздражению. Пеликанов потрянул головой, желая согнать с себя морок, потом снова стал внимательно скользить сверху вниз по черным путающимся строчкам. В самом деле, между Белозерском и Вытегрой значился Заповедник. В столбце «Отправление» стояло: ПФГ.

Что значит ПФГ? Пофигу?

– По мере формирования группы, – объяснила ему женщина из справочной.

– И каким образом формируется группа? – спросил Жора, пытаясь снизу вверх заглянуть в окошко.

– Иногда никак не формируется, если желающих нет. Иногда стихийно. А бывает, приедут откуда-нибудь сразу человек двадцать, тогда мы в течение часа отправляем автобус.

– Ну а если я один, мне-то что делать? – посетовал Жора, заглядывая в ее бессмысленные, как небо голубые глаза.

– Ждать.

– Чего ждать? Пока группа сформируется стихийно? – догадался он.

Женщина из справочной задумалась.

– Ну, можете поговорить с водителем. Если он согласится вас одного возить...

Водитель оказался невысоким мужичком с быстрыми сноровистыми движениями и с лицом, исполосованным морщинами. Выйдя из своего пазика, он внимательно оглядел Жору, затягиваясь сыроватой сигаретиной без фильтра.

– Мне в Заповедник нужно, отец, – сходу сообщил Пеликанов.

– На кой тебе? – весело поинтересовался водитель, по-солдатски прикрывая заскорузлой ладошкой огонек.

– Хочу разобраться в личной мифологии, – сыронизировал Пеликанов. Ему не хотелось говорить, что он корреспондент из Москвы. По опыту знал, в провинции с простым человеком об этом лучше помалкивать.

– Что ж, дело хорошее. По молодости, может, оно и правильно, – неожиданно одобрил водитель. – Клади пять рублей, и поехали.

– Пять тысяч, что ли? Не многовато? Я за пять штук до Москвы на такси докачу.

– До лесничества триста километров. Так? Триста туда, триста обратно – стало быть, два центнера бензина сожрет. – Водитель кивнул в сторону своего забрызганного грязью пазика. – Ежели сейчас поедем, то мне возвращаться аккурат в ночь придется. А по ночам в тех краях разбойники на дорогах промышляют. То есть опять же риск.

– Да господь с тобой, отец, какие разбойники? – удивился Жора. – Чай не девяностые.

– Чай – не кофе, потанцуем... Такие, что дорогу сваленным деревом преградят, машину отымут и оберут до нитки. Да еще, неровен час, новгородским в полон продадут, ушкуйникам.

Пеликанова стал разбирать нервный смех.

– Ушкуйникам-то вы на кой черт? – не понял он.

– Им самим без надобности, – согласился водила. – Они живой товар вниз по Волге сплавляют в Астрахань или в Дербент. Там продают на невольничьем рынке. Недавно костромских полторы тысячи туда свезли, во как!

Жора понял, что углубляться в историческую сторону вопроса бессмысленно, поэтому решил вернуться к финансовой.

– Скинь до четырех, по-людски, а?

Мужик еще помялся, потом кинул прокуренный до пальцев бычок под колеса.

– Ладно. Четыре, и песни будешь петь всю дорогу, – решил он.

Песен петь не пришлось. Ехали молча. Федор Лукич, так следовало из трафаретной надписи над лобовым стеклом, знай себе покручивал баранку, восседая с прямой спиной, как маленький залысоватый Будда. Иногда он, не отрывая взгляда от дороги, прикладывался к кефирному пакету, оставлявшему на его губах белую каемку. Музыка и собственной хватало. Пазик временами издавал заунывные протяжные звуки, способные кого угодно ввести в мистический транс. Потом фыркал, чихал или кашлял, а откашлявшись, начинал громко тарыхтеть, будто проклинал свою жизнь, а заодно и весь белый свет. Через какое-то время все повторялось.

Жора устроился бочком поближе к мотору, чтобы было теплее, и посматривал на текущие за окном пейзажи, исполненные какой-то неподвластной времени неодолимой, всепогло-

щающей тоской, вгонявшей в непролазную грязь дровяные дома, кирпичные амбары, трактора, собак и людей. Промежутки между деревнями заполнялись мерзлыми землистыми полями и редкими ободранными перелесками, стоящими по щиколотку в грязной осенней листве и вопиющими ветвями к небу.

Возле одной деревни на обочину дороги вышла старуха с козой. Она проводила пазик долгим притихшим взглядом, будто это был не обычный междугородний автобус, а немецкая самоходка «Фердинанд» группы армий «Север». Коза высунула длинный розовый язык и заблеяла.

Жора попытался представить, что бы он делал, если бы ему довелось родиться и жить здесь. Наверное, рано или поздно пришел бы к печальному финалу, решил он. Но ведь люди здесь как-то жили.

– Федор Лукич, вы вологодский? – спросил он.

– Я-то? Кирилловский, – бодро, словно только и ждал этого вопроса, ответил водитель. – В Вологду я, демобилизовавшись из армии, приехал, поступать в индустриально-транспортный техникум. Сразу после войны это было, – процедил он сквозь зубы.

– После какой войны? – не понял Жора.

– После Великой Отечественной, какой еще? – удивился Федор Лукич.

– Так сколько вам лет?

– Пятьдесят семь годков, все мои.

Жора молчал, раздумывая, зачем, по какой причине человек в почтенных летах так беззастенчиво ему врет.

– Я ведь всю войну артиллеристом – до Берлина пушку свою, «сорокапятку» тянул, – не моргнув глазом, добавил Федор Лукич.

– Дотянули? – с едкой усмешкой спросил Пеликанов.

Но Федор Лукич будто и не заметил подвоха.

– Дотянул. И по Рейхстагу как следует долбанул, – свой восторг он выразил взмывающим вверх кулаком и радостным оскалом. – Ну а потом, когда в Кириллов вернулся, а дома-то родительского и нет. Немцы разбомбили. Пошел я по городу, куда глаза глядят, и снова вышел на железнодорожную станцию.

Вот это уже похоже на правду, подумал Пеликанов. Куда здесь ни пойдешь, все одно к железнодорожной станции выйдешь.

– А на станции встретился мне один матросик, он в наш монастырь приезжал помолиться о выздоровлении своей тяжко недугующей матушки. Так этот матросик увидел меня и говорит: «Ты, брат, не горюй. Руки-ноги, говорит, у тебя целы. Дома – нет, но это не беда. Езжай в Вологду, работы там много. Найди себе дело по душе». Я прикинул да и поступил в индустриально-транспортный техникум. Не жалею.

– Почему именно в индустриально-транспортный? – снова поинтересовался Жора.

– Название уж больно понравилось. Да и здание приглянулось – красивое. Его пленные немцы строили. А немец, сукин сын, умеет строить, – отдал должное неприятелю Федор Лукич. – Рядом тенистая липовая аллея с резными скамеечками. Думаю, удобно будет барышень прогуливать. – Он хитро подмигнул Пеликанову в зеркало.

Тоже мне, Бунин выискался, подумал Жора, продолжая наблюдать за развитием у Федора Лукича осеннего обострения.

В Сямже остановились, чтобы заправиться. Федор Лукич, выскочив из кабины с канистрой, будто бы даже радостно сообщил, что отсюда до самого Заповедника заправок уже не будет. «Дальше леса да болота», – он неопределенно махнул канистрой вдаль. Движения его были бодры и по-молодецки пружинисты.

Пеликанов тоже вышел из автобуса размять ноги. Небольшое приземистое сельцо накрывало холодный осенний вечер. Кафе «Север-Транзит» манило редких проезжающих по-домаш-

нему уютной иллюминацией и обещанием накормить вкусно и недорого. Пеликанов вспомнил, что за целый день почти ничего не съел.

Оказалось, что Федора Лукича в «Севере-Транзите» хорошо знали. Пока Жора налегал на гуляш с плохо накальвающимися на вилку макаронами, водитель пазика любезничал с пышногрудой кассиршей, изредка кивая в его сторону. Сам он есть не стал. Жора поглядывал на замурованную в стенку плазменную панель, на экране которой драматически заламывала руки Клавдия Шульженко. У нее было простое хитроватое лицо, сильно подкрашенное синими тенями. Записи, сделанной в Колонном зале Дома Союзов, было как минимум лет сорок, а то и пятьдесят.

– Долго еще ехать? – спросил Пеликанов, выйдя на воздух.

– Полпути, считай, проехали, а вот долго ли, одному Богу известно, – философски отозвался Федор Лукич, чиркнув в темноте спичкой.

На коробке Жора увидел этикетку, на которой был изображен пограничный наряд – два солдата с «калашами» старого образца и овчарка. Собака производила впечатление самого осмысленного существа на картине.

– Дорога плохая?

– Бывает, что и плохая, а бывает, и ничего. Ты знак возле заправки видел?

– Нет.

– Неопределенная дорога. – Федор Лукич деловито выплюнул на асфальт табачную ворсинку.

– Как понять, неопределенная? – Пеликанов о таком дорожном знаке никогда не слышал.

– Так и понять, что заранее никогда не известно, то ли как сыр по маслу катить будешь, то ли на колдобинах подвеску убьешь.

– А от чего это зависит? – снова поинтересовался Жора, догоняя быстро шагающего водителя.

– От человека зависит, что ему судьба уготовит. Бывает, видно, человек хороший, а дорога ему выпадает трудная. А бывает наоборот.

Так обычно и бывает, мысленно согласился Жора.

– И многих вы, Федор Лукич, в Заповедник доставили?

– Доставляет Почта России, а я до лесничества довожу, – уточнил водитель. – Не считал.

Вдалеке послышались глухие раскаты грома – будто наверху, над навесным потолком из серых, дымящих туч кто-то двигал мебель.

Жора не мог вспомнить, в какой момент они съехали с федеральной трассы М-8 на проселочную дорогу. Быть может, и вообще не съезжали, просто дорога на Архангельск вдруг сама неожиданно размокла и изгадилась. После того как зарядил дождь, езда по ней стала напоминать сильно замедленное катание по бобслейному желобу. Пазик закидывало на обочину, с которой он снова скатывался вниз, чтобы занестись на противоположную сторону. Автобус сильно раскачивало. Судя по тому, как размашисто водило его корму, вскоре они должны были неминуемо застрять. Почти ничего не было видно. Фары выхватывали из темноты лишь небольшой косматый клочок земли перед колесами, на котором вздымалась гребнями жирная вековечная грязь. Оставалось удивляться, каким образом Федор Лукич все еще ориентировался в пространстве. Он выглядел предельно сосредоточенным. Заметив, что Пеликанов внимательно наблюдает за ним, он сказал, что главное – держать нос на волну. Жора не понял, имело ли его замечание какой-то буквальный смысл или Федор Лукич выражался метафорически.

Наконец, надав из последних сил, пазик снова оказался на асфальте. Пеликанов это почувствовал по стихшей качке. Дождь тоже, кажется, стих и барабанил теперь по крыше не так истоиво.

– Я уж думал, застрянем, – признался Жора.

– Застрячь – что. Хуже, если бы перевернулись.

– И как вы дорогу находите! – воскликнул Пеликанов, пребывая под впечатлением от их решающего рывка.

– Да ничего я не нахожу, просто еду вперед и еду, а она сама под колеса подстиляется.

Еще примерно через час под колесами зашуршал щебень. Один камень отскочил и звонко ударил по днищу.

– Это что? – спросил Жора.

– Это тебе лучше знать, – неожиданно ответил Федор Лукич. – Чуть радиатор мне не пробил.

– Я? – удивился Пеликанов.

– Неопределенная дорога, она вроде фронтной. Какой ее помнишь, такой она и становится, – загадочно изрек Федор Лукич.

Пеликанов сообразил, что это снова были его воспоминания. Речи водителя теперь не казались ему столь безумными и странными. Если так, то определенный смысл в них был. Вскоре Жора вспомнил, откуда взялся этот опасный шуршащий щебень, вылетающий из-под колес пазика. Он находился за многие тысячи километров отсюда, далеко на востоке – там, где в Тихом океане дрейфовал остров Сахалин.

– Воспоминания – ладно. У некоторых воображение разыгрывается, тогда такое начинается, только держись, – качнув головой, усмехнулся Федор Лукич.

Пеликанову стало даже неловко за то, что он мелко торговался с Федором Лукичем на вокзале. Если так разобраться, работенка у него была каторжная, не позавидуешь. Мало ли чего кому вспомнится, а хуже того, привидится. Чтобы спокойно, без происшествий добраться до Заповедника, Жора решил вообще ни о чем не думать. Для этого он стал вести счет дыханию, и сам не заметил, как уснул.

Когда он проснулся, вокруг было светло и тихо. Воздух казался прозрачным. Автобус безмолвствовал на небольшой лесной полянке, в окружении высоченных бактерицидных сосен. Издалека доносился мягкий, успокаивающий шум небольшой горной речки. Судя по освещению, было раннее утро. В автобусе, кроме него, никого не было. Пришлось выбираться наружу через водительскую дверь, перемахнув через мотор.

Федора Лукича он увидел с высокого обрывистого берега. Тот стоял в болотных сапогах по пояс в воде и далеко закидывал леску с грузилом вверх по течению, а потом подматывал к себе крючок, крутя массивную трескучую катушку.

– Клюет? – крикнул Пеликанов сверху.

– Ха-ха-ха, – обрадовался Федор Лукич, завидев его. – Еще как! Форель!

Жора стал оглядывать окрестности. Поляну, на которой они остановились, окружали невысокие пологие возвышенности, заросшие еловым и сосновым лесом, с уступами из спрессованных каменных лепешек. Что-то подобное он видел на Алтае. И что-то ему подсказывало, что в вологодских лесах не должно было быть горных рек, полнящихся форелью. Хотя, спорить на крупную сумму он бы не стал.

– Непуганая, стерва, сходу набрасывается, – едва Федор Лукич договорил, как почувствовал очередную поклевку.

Высунув язык, он коротко и резко подсек, а затем стал вытягивать, взмахивая закидушкой, как дирижерской палочкой. Жора наблюдал, как он забирает из воды сачком тупорыльную пятнистую рыбку с белым брюхом.

– Вы же говорили, Федор Лукич, что ночью обратно поедете, – напомнил Жора, отпивая чай из металлической кружки.

– Экий ты вредный. Ну говорил, да передумал. Вишь, зато сколько наловил. – Он поднял вверх зеленую мелко-дырчатую авоську, полную рыбы.

Пеликанов, оторвав зад от бревна, подбросил в огонь елового лапника. На солнце, возле костра было жарко.

– А где тут лесничество?

– Лесничество тут везде, – водитель обвел окрестности взглядом, надкусывая кубик рафинада. – Ты хотел спросить, где тут лесники?

– Угу.

– Нет тут лесников. – Федор Лукич сощурился и шумно отхлебнул.

– Как нет? Почему?

– Так нет. В этом лесничестве каждый сам себе лесник, – коротко пояснил он.

«Вот черт, – подумал Пеликанов, – о чем же я буду писать?»

– В рюкзаке чего? – спросил Федор Лукич.

– Спальник, топорик, консервы...

– Удочку я могу тебе оставить. За один рубль, – сообщил он.

– А как отсюда потом назад выбираются? – не обратив внимания на предложение удочки, спросил Жора. Вопрос организации путей отступления волновал его сейчас куда больше.

– Свистеть умеешь?

– Немного умею.

– Немного не пойдет. Нужно вот как.

Федор Лукич отставил кружку, засунул в рот два пальца и свистнул так, что у Пеликанова заложило одно ухо.

– Зачем свистеть? – спросил Жора, прочищая ушное отверстие.

– Как сильно приспичит назад возвращаться – вот так свиснешь, я тебя в Вологде услышу и за тобой вернусь. – Водитель громко рассмеялся.

– Я серьезно, Федор Лукич, а вы...

– Если серьезно, паря, ты меня о таких глупостях спрашивать не должен. Если хочешь в личной мифологии разобраться, – со всей серьезностью напомнил он.

– Я пошутил.

– А с Заповедником шутки плохи. Он шутить не любит. Берешь удочку?

– Беру.

Жора полез в кошелек за деньгами.

– Главное, не дрейфь. Мой тебе совет: иди, куда глаза глядят. Глаза сами куда надо выведут. – Он посмотрел сквозь тысячную купюру на солнце, сложил ее в нагрудный карман гимнастерки и стал собираться.

Когда автобус с Федором Лукичом скрылся из виду, Пеликанов с размаху воткнул охотничий нож в землю и сел на бревно перед догорающими углями, обхватив руками голову.

Глава 3

Идти по обгорелой земле было легко. Метров за двести до холма следы пожара прекращались. Дальше начинался подъем, устланный мягким, влажным дроком. Дойдя до склона, Пеликанов сбросил с себя рюкзак и сходу повалился на землю.

Лежа на спине и непроизвольно нашаривая рукой в по-летнему густой и крепкой траве, он пытался понять, как его сюда занесло и что он здесь делает. А главное, что такое это еще недавно казавшееся таким простым и понятным «здесь». Теперь известное наречие места виделось ему чем-то в высшей степени непонятным и неопределенным. До Пеликанова вдруг дошло, что любое его «здесь и сейчас» могло иметь смысл только для него одного и ни для кого больше. Ему стало смешно от осознания, что всякое «здесь и сейчас» вообще не могло быть привязано к какой-то абстрактной системе координат, в силу того, что любая система координат сама, в свою очередь, имела смысл только относительно конкретного наблюдателя с его собственным неповторимым «здесь и сейчас», не поддающимся уловлению.

Пеликанов снова вспомнил о Рите. Он увидел ее пребывающей в каком-то неопределенном «где-то», которое можно было сравнить разве что с упоминаемым в известной детской песне «прекрасным далеко», о местонахождении которого говорить всерьез было бессмысленно.

Закрыв ладонями лицо, он стал неудержимо хохотать. Иногда его смех переходил в громкий протяжный рев, сопровождающий невероятное умственное облегчение. Возможно, это были последствия отравления угарным газом. Но Пеликанов искренне поразился тому, как он до сих пор мог не понимать таких простых вещей.

После того как он отошел от места, где они с Федором Лукичом жгли костер, на несколько километров, его голову стало сдавливать невидимым металлическим обручем. Обруч казался настолько осязаемым, что его хотелось сорвать с себя. Еще через какое-то время Жора заметил, что пространство между деревьями стало заполняться неясной дымкой, от которой ему становилось то беспричинно весело, то неожиданно грустно, в точности как популярным эстрадным исполнителям, за ужимками которых он любил наблюдать по телевизору с выключенным звуком.

Стало трудно дышать. Он скинул рюкзак на землю. Из близлежащих кустов бросилось наутек странное серое существо, похожее на химеру ежа и зайца. Пеликанов понял, что начал задыхаться.

Прежде чем двинуться дальше, ему пришлось сложить из медицинского бинта марлевую повязку, смочив ее водой. По его расчетам, река находилась всего в нескольких сотнях метров, огибая слева небольшую гряду каменистых гор. Жора решил, что нужно снова срочно выходить к ней.

Но сколько он ни шел, прикрывая нижнюю часть лица самодельной марлей и пытаясь все время забирать в нужную сторону, спуска к реке не находилось. Дымная завеса становилась все отчетливей и гуще. Один раз его накрыло волной жаркого, удушливого ветра, донесшегося будто бы из раскаленной пустыни. Не исключено, что Жора шел в самый эпицентр лесного пожара.

Повинуясь инстинкту, он решил резко изменить курс, больше не ориентируясь на реку. В какой-то момент у него мелькнула мысль, что именно так чувствуют себя люди, попавшие в окружение, потерявшие ориентацию в пространстве и не понимающие, куда двигаться дальше.

Ускорение шага отзывалось ноющей болью в спине, а дышать стало еще труднее. Пеликанов стал думать о том, чтобы навсегда избавиться от рюкзака, взяв с собой только один топор. Его так и подмывало сбросить с себя тяжелую ношу и побежать, все равно куда, отмахиваясь топором от преграждающих путь и лезущих в глаза веток.

Потом ему стали попадаться на пути беспричинно горящие деревья. Это напоминало начало странной эпидемии, точно выхватывающей из толпы и поражающей огнем отдельные древесные особи. Деревья, на которые падал жребий, сгорали с безмолвным стоическим мужеством, распространяя вокруг дрожащее зеркальное марево. Они быстро превращались в обугленные огарки, похожие на иглы, торчащие из спины гигантского мертвого ежа.

Запрокидывая голову, Жора пытался угадать, что творится в небе, но видел только изредка проглядывающее через густую дымную пелену зачумленное солнце. Он попробовал вложить пальцы в рот и засвистеть, но у него ничего не получилось. Марлевая повязка стала бесполезной, скомкав ее, Жора отшвырнул ее в кусты.

После того как он перестал бороться со смертью, внезапно пошел дождь. Ударами крупных дождевых капель дымовую завесу сначала прибило к земле, а потом развеяло. Еще недавно горящие деревья задымили, как брошенные на остановке окурки. Пеликанов стоял, прислонившись плечом к сосне, и слизывал с губ текущую по щекам воду.

С вершины холма открывался вид на колосющееся ржаное поле. Даже ему, выросшему в городе и ориентирующемуся в сезонных сельхозработах исключительно по «Временам года» Чайковского, было понятно, что в этой картине сквозило что-то совершенно неестественное. В октябре, да еще в широтах Русского Севера такого просто не могло быть. Спелые густозасаженные колосья светились селекционным здоровьем, мягко волновались на ветру и манили в свои объятия. Но больше всего Жору озадачил не сам вид ржаного поля, а то, что из него следовало. Где-то поблизости должны были находиться люди. Много людей.

Но сколько Пеликанов ни всматривался в окрестности, он не заметил ни дорог, ни опор линий электропередачи, ни любого другого намека на присутствие человека. До горизонта, сколько было видно, простиралась лесистая равнина с почти такими же невысокими редкими холмами, над которой плыли похожие на овечьи мысли перистые облака. И все же, открывшееся пространство не казалось Пеликанову необжитым и диким. В нем не было отталкивающей безнадежности. Оно располагало к себе и даже в какой-то степени пыталось ему понравиться. Пеликанов еще раз глянул на ржаные колосья, призывно колышущиеся внизу, и решил спуститься.

Вскоре он снова вышел к реке, которой с вершины холма не было видно. Река оказалась неширокой, с темноватой печальной водой и пологими илистыми берегами. Жора пошел вдоль берега, замечая, что течение, несмотря на кажущуюся вялость реки, было довольно быстрым (Пеликанов за ней не поспевал). Из воды торчали коряги. Изредка, почти беззвучно всплескивала небольшая рыба. Шагов за пятьдесят он заметил впереди по ходу движения чернеющую в траве лодку.

Весел в лодке не оказалось, а сама она выглядела очень странно. В какой-то момент у него возникло подозрение, что ее могли сколотить из старого немецкого пианино Zimmermann. Во всем ее облике проглядывало какое-то едва уловимое фактурное сходство.

Жора вспомнил, что пианино Zimmermann стояло на втором этаже музыкальной школы, которую он посещал, в кабинете сольфеджио. Февральским вьюжным вечером он открывал массивную четырехметровую дверь с бронзовой ручкой, ступал вверх по гигантской железной лестнице, шаги гулким эхом отдавались в парадном, сверху доносился бестолковый речитатив гамм, Жора шел, наблюдая за тем, как на его ботинках тает снег, пока не доходил до большого прямоугольного зеркала в золоченой раме...

Сама мысль о том, что лодку могли переделать из старинного музыкального инструмента, выглядела бредовой и даже кощунственной. Но память, если это была она, не ведая стыда, запросто перелицовывала давние детские впечатления. Он попытался перевернуть лодку, чтобы оглядеть ее днище снаружи. Из-под полубака к его ногам выкатилась старая консервная банка. Пеликанов без труда узнал в ней до изжоги знакомые с детства латвийские шпроты.

Мать часто покупала шпроты в ближайшем продмаге, пока с полок магазинов не исчезло все, включая хлеб, соль и спички.

Лодка, несмотря на всю свою внешнюю нелепость, хорошо держалась на воде. Для того чтобы управлять ею, Жора захватил с собой старую лыжную палку, которую нашел там же в траве, неподалеку. Ее длины вполне хватало на то, чтобы отчаливать от берега, если лодку вдруг начнет прибывать, а также избегать столкновений с мелями и корягами. Да и река, насколько он успел заметить, была ровной и неглубокой. Скорее всего, палкой в качестве рулевого шеста кто-то уже пользовался, подумал он. Поэтому она и нашлась поблизости.

Чтобы унять боль в коленях, Пеликанов с удовольствием вытянул ноги. Иногда течением лодку тащило боком, а иногда медленно вращало вокруг своей оси, но это его не беспокоило. С панорамно вращающейся лодки было даже удобнее осматривать проплывающие мимо берега, заросшие почти до самой кромки воды густым смешанным лесом, в котором угадывалось копошение птиц и какой-то мелкой живности.

Первое, что он увидел, открыв глаза, – большую сине-зеленую стрекозу, вцепившуюся лапками в ушко уключины. Рядом с ним стояла пустая банка из-под тушенки, из которой одиноко торчала грязная алюминиевая ложка. Пеликанов заметил, что уже второй раз безнадежно пропускает момент погружения в сон. Возможно, в Заповеднике у него стали случаться приступы нарколепсии. Он нашел себя по-прежнему сидящим на баке. Затем понял, что пока он временно отсутствовал, пейзаж вокруг сильно изменился.

Река неимоверно расширилась – так, что ее узкие, тесные берега почти исчезли из виду, а вода в ней стала более прозрачной и приобрела металлически-серый оттенок. Высунув за борт лыжную палку, Пеликанов утопил ее по самую рукоять и почувствовал, как сильно ее относит подводным течением. Дна не было. Запястье окатило речным осенним холодом. До ближайшего берега – со множеством небольших покатых холмов и редкими, нервно торчащими из земли деревьями – было метров двести, не меньше. Другой берег и вовсе сливался с горизонтом. Над головой Жоры вскрикнула чайка. Он не понимал, стоит ли лодка на месте или движется.

Выбрав в качестве ориентира высающуюся на берегу разлапистую ель, Пеликанов стал ждать. Стрекоза куда-то улетела. Он на всякий случай стал прикидывать, осилит ли вплавь расстояние до берега, если придется. Решил, что нет, вода была слишком холодной.

Наблюдение за елью дало неожиданный результат. Несколько раз ему казалось, что лодке удавалось поравняться с ней, но потом он снова замечал ее, чуть впереди по курсу. У него возникло ощущение повторяющегося киноэпизода. Этот оптический эффект ввел Пеликанова в уныние. Он мог означать, что лодку водило по кругу или по какой-то замкнутой кривой. Если так, то это не предвещало ничего хорошего.

Пока Жора был всепоглощающе занят изобретением плана освобождения из речного плена, он не заметил, как лодка благополучно миновала ель и поплыла дальше. Получалось, что именно он не давал пересечь ей невидимую границу, привязав ее всем своим вниманием к выбранному на берегу ориентиру. Если бы он не стал беспокоиться, лодка плыла бы себе и дальше, как это, вероятно, и было, пока он спал. Жора стал помышлять о том, чтобы сознательно прибить лодку к берегу.

Вверх по пригорку вела едва угадывающаяся тропинка. В том месте, где он причалил, когда-то спускались к воде, но, видимо, очень давно. Жора закинул пустую консервную банку под полубак и на бицепсах стал вытягивать на себя рюкзак. Каблуки его армейских ботинок провалились в спрессованный влажный песок. Он еще раз взглянул на лодку со склона, теперь она напоминала выбросившуюся на берег от тоски черную деревянную рыбу до-диз минор. Он отвернулся и снова зашагал вверх. Куда и зачем он идет, ему было неизвестно. Но раз так получалось, нужно было продолжать путь.

Забор из бетонных плит тянулся вдаль, насколько было видно. Над ним ветвилась колючая проволока, напоминая конфигурацией силовые линии магнитного поля из учебника физики за седьмой класс. Из-под плит выбивалась желтая, будто прокуренная трава. Это сколько же нужно бетона, чтобы возвести такой забор, думал Жора. Бетонная стена, возникшая перед ним, как только он взобрался на пригорок, преградила путь.

На одной из плит он увидел прямоугольную табличку, белую, с красной окантовкой, напоминающую те, что вешают на трансформаторных будках:

«ОСТОРОЖНО, З!»

Вместо черепа со скрещенными костями над надписью виднелась хорошо прорисованная коровья голова с почти человеческими внимательными и умными глазами, почти такая же, как на банке тушенки.

Жора двинулся вдоль стены, рассчитывая отыскать в ней какой-нибудь изъян. Пройдя метров триста, он решил приложить ухо к тонкому зазору, образуемому между одной из плит и черным столбом, служащим ей опорой. Но кроме завораживающего шума ветра по ту сторону, больше ничего не услышал. Разглядеть пространство за стеной тоже не получилось.

Нужно было или возвращаться обратно к лодке, или рыть подкоп. Жора представил, как нелепо это будет выглядеть, если он своим небольшим топориком станет копать у основания стены. И его снова пронзило.

На стене не следовало сосредотачиваться. Можно было попытаться миновать ее, просто игнорируя, не замечая.

Сев по-турецки спиной к стене, Жора стал убеждать себя, повторяя как заклинание: не может такого быть, не может страна тратить на стены столько бетона, не может, это нереально, это просто абсурд – столько бетона ради одной стены... Люди до сих пор ютятся в деревянных бараках, не может...

Но чем дальше он думал об этом, тем больше в его сознание закрадывалось сомнение. Страна периодически выкидывала и не такое. Она могла, если нужно, несколько раз обмотать колючей проволокой по экватору земной шар.

За размышлениями Пеликанов не заметил, как позади него стал раздаваться мерный, убаюкивающий стук колес. Жора быстро сообразил, что произошло. Ему хотелось тут же повернуться, чтобы проверить свою догадку, но он оттягивал, медлил, продолжая внимательно вслушиваться в монотонный звук и ловить спиной набегающие волны подогретого тепловозного ветра.

«Это никакие не плиты. Стена – это застывшие, окаменевшие вагоны. А если так...»

Жора смотрел на проплывающие мимо опломбированные «теплушки», пытаясь разглядеть за их дощатыми бортами хоть какие-то признаки жизни. Под одним из вагонов он заметил болтающийся на крюке почерневший от копоти металлический чайник. Как и стене, поезду не было видно конца-края, вагоны тянулись нескончаемым потоком, заполняя собой все зримое пространство.

Было ясно, что поезда, как и стены, в действительности не существовало, но броситься под колеса даже воображаемого железнодорожного состава было все равно очень непросто. Вместе с тем Жора ясно понимал, что непреодолимая преграда раз за разом будет возникать перед ним, указывая на один из его глубинных страхов и требуя его преодоления. Пока он не решится на отчаянный поступок, путь дальше в Заповедник ему заказан.

«Была не была!» Шагнув вперед, Жора успел оценить всю философскую глубину этой русской присказки, загадочной, как буддийский коан, и произносимой перед совершением самых отчаянных и необъяснимых поступков. Она как бы давала понять, что все, кажущееся реально существующим, одновременно таковым не является, за исключением самих героических актов безрассудства, как бы воспаряющих над условным разделением бытия и небытия. Преодоление этого противоречия для любого нормального сознания оказывалось невозмож-

ным, именно поэтому нормальное сознание, никогда не решалось на совершение таких поступков. Но по той же причине от него всегда ускользала последняя истина, способность созерцания которой открывалась только за гранью нормальности.

Пеликанов успел подумать об этом и о многом другом. Он уже почти увидел, каким образом разрывается представившийся ему замкнутый круг. Но в этот момент услышал отчетливый хруст черепа – тупой, неприятный звук, будто внутри его головы зияла пустота. Ему показалось странным, что череп мог слышать и воспринимать хруст собственных костей (Жора именно так для себя сформулировал). В этом было что-то обнадеживающее.

Потом наступила тьма.

Тьма не имела формы. Жора не решился бы утверждать, что видит ее. Скорее, она была некой созерцаемой сущностью, трудноотличимой от его собственного внутреннего мрака. Находился ли он во мраке или мрак пребывал в нем – сказать наверняка было трудно. Возможно, пространственно он абсолютно совпадал с ним, за исключением одной-единственной точки, из которой велось наблюдение. Находясь во тьме, эта точка не принадлежала тьме, как птица не принадлежала небу, а одинокий пловец морю. Этой точкой был он сам.

Постепенно Жора начал угадывать во тьме неясную глубину, а затем и смутный бесформенный объем. Но он понимал, что это не более чем привычка ума представлять все в качестве зримого трехмерного образа. Было ясно, что тьма не выглядит никак и не имеет реального объема. Он вдруг понял, что пространство и время не являются первичными формами восприятия, а сами возникают из тьмы, восприятие которой было возможно каким-то странным образом и без них.

О том, что такое время, Пеликанов никогда особо не задумывался. В юности оно представлялось ему эфемерной рекой, текущей с неумолимо постоянной скоростью из прошлого в будущее. Позже, когда он стал старше, время казалось ему каким-то зловеще тикающим счетчиком, отсчитывающим секунды человеческой жизни. Но теперь в темноте ему вдруг стало понятно, что никакого времени в действительности не существует. Точнее, оно может возникать при определенных обстоятельствах и исключительно в связи с умственными ожиданиями будущего, когда сознание занято игрой в нескончаемую «Угадайку».

Пеликанов увидел, что, строго говоря, никакого будущего заранее, до возникновения самой игры в «Угадайку», не существовало. Будущее возникало одновременно с желанием иметь его перед собой в качестве чего-то нового, таинственного и незнаемого. Но единственной возможностью представить его подобным образом была форма мыслимого пространства, в котором пока еще ничего не происходило. Само это «пока еще не» оформлялось в качестве такового и проводилось по мысленной бухгалтерии задним числом, порождая иллюзию того, что время всегда являлось чем-то совершенно естественным и хорошо знакомым уму. Прорастая и закрепляясь в сознании, данная иллюзия порождала множество вторичных иллюзорных следствий, одним из которых была уверенность в возможности планировать и изменять будущее.

Прошлое открылось ему и вовсе в неприглядном свете. По сути, оно было чем-то вроде отходов умственной деятельности, туманным следом реактивного самолета, сжигающего в лазурной синеве неба тонны авиационного керосина. За прошлое сознание принимало даже не форму собственной памяти и не убежденность в обладании накопленным опытом. (Хотя данный опыт, конечно, выполнял важную функцию, объясняя актуальный рейтинг в игре «Угадайка»). Прошлое, в отличие от будущего, казалось результатом странной умственной гипотезы о существовании пространства, присутствие в котором было бы заведомо невозможным. Ведь прошлое, как известно, и определялось главным образом как то, чего уже никак вернуть нельзя. Однако само это ощущение бесповоротности опять-таки складывалось не сразу, а постепенно, после того как прошлое начинало казаться уму чем-то знакомым и привычным.

Жора вспомнил известные строчки стихотворения Блока и удивился тому, насколько поэт, оказывается, был в курсе этой ложно-иллюзорной природы прошлого:

Все это было, было, было.
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

Точнее не скажешь. Прошлое раз за разом возвращалось, воспроизводилось в сознании, желающем сокрушаться об утраченном и сожалеть об упущенных возможностях. Только порядок действий здесь был принципиально иным. Сознание не рефлексировало по поводу того, что в действительности «было, было, было», – наоборот, бывшее впервые возникало, вместе с желанием испытывать по его поводу множество противоречивых эмоций и чувств. Как только возникало желание тосковать по чему-то как по прошлому, оно незамедлительно оформлялось в то, что потом воспринималось как прошлое, притом так, что этого ловкого фокуса никто не замечал.

Мысленной верой в магическую способность объективировать минувшее заканчивалось и то самое стихотворение Блока, которое вспомнилось Жоре. Поэт с одуванчиковой шапкой волос на голове из школьной программы опять же указывал на ментальный генезис прошлого:

Но верю – не пройдет бесследно
Все, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

С настоящим было все довольно очевидно. Настоящим было то дрящееся мгновение, в течение которого игрок в «Угадайку» делал свою ставку на будущее, подавая заполненный формуляр в окошко букмекерской конторы «Хронос и сыновья». А поскольку он в течение всей своей жизни никогда не переставал этим заниматься, то перманентно совпадал со своим психологическим настоящим, а точнее, по сути, и был им.

Многие люди считали себя несчастными лишь потому, что их желания, как им казалось, оставались безответными, между тем как Пеликанов ясно видел, что в действительности все обстояло ровно наоборот. Просто исполнение желаний ошибочно принималось ими за выпадение результатов в «Угадайке». Но реальность глубинных желаний имела такое же отношение к игре в неясное будущее, как божественное устройство души к киоскам «Спортлото». Жора подумал, что человека, который бы разочаровался в жизни только потому, что ему плохо удавалось предсказывать погоду, сочли бы сумасшедшим. Но людей, которые строили свое отношение к счастью на основании результативности игры в «Угадайку» почему-то, напротив, причисляли к вполне нормальным представителям вида *Homo sapiens*.

Трагедия сознания заключалась в том, что все его желания исполнялись мгновенно и с какой-то чрезмерной избыточностью. Как если бы на голову капризного, взбалмошного ребенка обрушивалось сразу все то, о чем он даже не успевал подумать.

Сознание напоминало нищего, внезапно оказавшегося в королевском дворце на месте принца и не верящего своему счастью. Нищий не понимал, что исполнение всех его желаний – это естественный закон метафизической природы, грозящий при неводержанности нанести непоправимый вред его физическому и умственному здоровью. Еще недавно Пеликанов усмотрел бы в этом несовершенство устройства мироздания. Очевидно, что Реальности не следовало быть такой вопиюще отзывчивой и потакать всем без исключения прихотям неразумно вожделяющих существ. Но теперь он отчетливо видел, что Реальность как таковая целиком состо-

яла только из одного-единственного закона абсолютного исполнения желаний, и потому апеллировать к ней было абсолютно бессмысленно. Ничто не могло воспрепятствовать сознанию лепить все что угодно из собственного ограниченного неразумия, главным образом потому, что ничего, кроме него, в действительности не существовало.

Потом в темноте стало появляться нечто напоминающее некачественный интерфейс старинных «бродилок», в которых компьютерный герой шевелил ногами, а пространство, кишашее монстрами, само перманентно натягивалось на него как безразмерный гигантский противогаз. (У Пеликанова возник и другой аналогичный образ.)

Сходство состояло еще и в том, что четкость воображаемых «стен» темного тоннеля, по которому он условно двигался вперед, терялась по мере их приближения. Вблизи они становились расплывчатыми и состоящими как бы из размытых геометрических фигур. В пространстве тьмы возникал своего рода эффект дальности, когда удаленные предметы должны были видеться лучше и четче на отдалении, в том случае, если бы они там присутствовали. Пеликанов был бы рад увидеть нечто даже в обратной перспективе (он где-то читал, что в обратной перспективе все видится так, словно не ты смотришь на предметы, а предметы смотрят на тебя). Но никаких предметов в этой второй темноте он не замечал. В какой-то момент ему показалось, что из тоннеля потянуло сквозняком и в потоке прохладного воздуха зазвучал голос:

«В опасные времена не уходи в себя. Там тебя наверняка отыщут».

Сказать о голосе, кроме того, что он был неприятным, было решительно нечего.

«А что, сейчас опасные времена?» – мысленно спросил Пеликанов только для того, чтобы убедиться, что не ослышался.

Голос в ответ презрительно хмыкнул, что могло означать: только такие дураки, как ты, Жора, могут этого не знать.

«И кто же меня отыщет, если я уйду в себя?» – продолжил мысленно настаивать Пеликанов.

«Кому надо, тот и отыщет», – ушел от прямого ответа голос.

– Кто ты? – спросил Жора, полагая, что, возможно, имеет дело с сущностью, обращение к которой на «вы» будет выглядеть вычурным излишеством.

– Станислав Нежилец, – произнес голос на польский манер. В его звучании угадывался легкий антирусский акцент.

– Нежилец?

Пеликанов подумал, что, возможно, плохо расслышал. Он вспомнил, что был такой польский поэт, писатель и философ Станислав Ежи Лец, любящий выдавать остроумные афоризмы. Эти афоризмы часто цитировались представителями либеральной интеллигенции, которые, собственно, и решили, что они чрезвычайно остроумны.

– Да, нежный лес, ежик лжец, – дважды издевательски подтвердил голос.

У Пеликанова возникло подозрение, что он разговаривает с духом «Яндекса».

– Кто ты, на самом деле? – требовательно переспросил Жора.

– Твоя гражданская совесть, – ответил голос.

Похоже, он снова лгал.

– Как мне отсюда выбраться? – на всякий случай спросил Пеликанов, имея в виду свой внутренний мрак.

– Отсюда? – не поверил голос.

– Я хотел сказать, как мне отсюда попасть куда-нибудь еще, в другое место.

– Любишь путешествовать? – голос уже не скрывал своего презрения.

– Не сказать чтобы очень, – смутился Жора.

– Ты хоть понимаешь, с кем говоришь?

Жора подумал, что со стороны все действительно выглядело бы до крайности глупо.

Он вспомнил, что изречение Ежи Леца видел в недавнем посте Дрейфуса на фейсбуке. Дрейфус, как всякий образованный человек, любил выпить и закусить дорогим французским сыром, попавшим под контрсанкции. Кроме того, он имел слабость ко всяческим иносказательным намекам, касающимся политического режима и его людей в штатском. Вероятно, он таким образом отводил душу и выпускал пар закипающей в нем от негодования внутренней свободы. Когда Жора один раз имел неосторожность намекнуть ему на очевидность его намеков, Дрейфус пришел в ярость, намекая в ответ, что всякому образованному и интеллигентному человеку следует либо понимать его намеки молча, либо комментировать их не менее иносказательно, делая вид, что ты вообще ничего не понимаешь, а общишься с ним ничего не значащими фразами.

Это снова напомнило Пеликанову детей, которые пытались спрятаться, зажмуривая глаза. Только в отличие от детей, Дрейфус прятался от самого себя за изгородью витиеватых языковых конструкций. Разумеется, все происходило не в физическом, а в культурном пространстве, в котором он вел себя как странный лингвистический скунс, который пытался маскироваться при помощи своего отвратительного запаха, убеждая себя и окружающих в том, что это тончайший интеллектуальный аромат.

– Я тебе не верю, – отчетливо подумал Жора, так чтобы неведомый голос его хорошо услышал. – Времена всегда одинаковые. Если не уходить в себя, тогда вообще бежать некуда. Что ты предлагаешь?

– Мое дело – не предлагать, а предупреждать, – фыркнул голос. – Я тебя предупредил. Хотя, многие порядочные люди не боятся выходить на площади и протестовать, – как бы между делом, вскользь заметил он.

– Против чего протестовать?

– Была бы площадь, а протестовать против чего всегда найдется, – афористично заявил голос.

– Ну, так подскажи мне, как отсюда выйти на площадь, – предложил ему Пеликанов.

Голос откликнулся тотчас же:

– На Болотную или на Манежную? – с готовностью уточнил он.

– На Манежную, к Кремлю ближе, пусть видит, – пояснил Жора.

– Узник совести! – патетически всхлипнул голос.

Пеликанов действительно стал видеть Манежную площадь, утопающую в сизом артиллерийском дыму, плывущем от Тверской в сторону Александровского сада. Сквозь него проглядывали неясные очертания Исторического музея и кремлевских башен, кажущихся театральными декорациями современной постановки «Хованщины», которая по замыслу режиссера должна была сочетать в себе веб-камерную атмосферу Театра. ДОС с апокалиптической грандиозностью массового площадного действия.

Осенние люди в куртках и вязаных шапках энергично сновали по Манежной, поджигая китайские фаеры, слушая находящихся на возвышении ораторов в элегантных пальто, и периодически взбадривали себя выкрикиванием коллективных заклинаний не столько политического, сколько агрессивно-мстительного свойства. (Жора расслышал «они за все ответят» и куда более странное «мы здесь царь!»)

В толпе сновали, перетаптывались, свистели, ругались матом и активно переговаривались по сотовым телефонам. У некоторых получалось все это делать одновременно. Периодически ораторов перебивали полицейские мегафоны, призывающие ровными протокольными голосами соблюдать закон и разойтись по домам. По каким домам, по публичным?

Пеликанов увидел молодого человека с красно-белым спартаковским шарфом на шее, которого под руки потащили в автозак. Парень изо всех сил упирался, подгибал ноги, нелепо зависая в воздухе, и истошно кричал: «Татаро-монголы!» Жора понял, что это те же фашисты, только намного креативнее. Его товарищи возмущенно улюлюкали, но отбить парня у «космо-

навтов» не решались. Один немолодой человек с козлиной бородкой, глядя на все происходящее, заметил другому такому же великовозрастному: «Пора, Эрнестушка, валить из страны». Его спутник согласно закивал. Пеликанов готов был биться об заклад, что тот, который предлагал валить, говорил об этом не впервой и что повторит еще неоднократно.

Жора попытался определить свое точное местоположение на площади, но не смог. Он и сам будто бы завис в воздухе, а все происходящее видел как бы со стороны, одновременно из разных точек пространства. Получалось, что он вроде бы как находился на Манежной площади более, чем кто-либо другой, един во множестве мест, но вместе с тем его не было в толпе протестующих. Какого-то ярко выраженного отношения к происходящему он в себе не ощущал. Было ясно, что площадные персонажи делали по зову сердца то, что от них требовалось жизненными обстоятельствами и принадлежностью к определенной социальной группе.

Оттого, что роли в этом спектакле были прописаны и распределены с какой-то сводящей скулы определенностью, Пеликанов почувствовал нечеловеческую тоску. Ему захотелось поскорей убраться отсюда, но как это сделать – он не представлял. Снова звать внутреннего демона, возникшего из внутреннего мрака, ему не хотелось. Да и что-то подсказывало, что тот вряд ли бы помог.

Все произошло само собой, площадь начала сильно искривляться, будто под ней начала вздыматься гигантская приливная волна. Накренились и посыпались кремлевские башни, начала рушиться кирпичная зубчатая стена. Здание Манежа вместе с брусчаткой, фонтанами и фонарями подняло вверх и поднесло почти вплотную к зданию реконструированной в первоизданном виде гостиницы «Москва», а маршал Жуков на своем лихом коне напрямик въехал в ресторанный зал «Националя», отчего с хрустальным звоном посыпались стекла.

Жора стал с интересом рассматривать обнажившиеся слои археологического хлама, скрывавшиеся под поверхностью. Там виднелись кувшинные черепки, чугуны, старинные шахматные фигуры, серебряные монеты, кованые сундуки, темные, потрескавшиеся от времени иконы, каменные ядра, костяные пороховницы, сломанные шпаги, топоры и проржавевшие ветхие пистолы. Один раз ему показалось, что перед ним промелькнула библиотека Ивана Грозного, с толстыми, будто распухшими от водянки старинными фолиантами. Жора заметил среди прочего даже неизвестно как оказавшийся там треснувший череп неандертальца.

Потом все стихло. На месте, где еще недавно простиралась Манежная площадь, брезжила призрачная пустота, в которой Жора разглядел седовласого человека в дорогом черном костюме. Пеликанову показалось, что ростом он был с колокольню Ивана Великого, не меньше. Человек стремительно удалялся вглубь пустоты, неся под мышкой небольшой рулон, похожий на свернутый автомобильный коврик. Один раз он тревожно, как тать, обернулся. Жора узнал мэра Собянина. Было понятно, что Собянин навсегда уходил в пустоту, оставляя свой градоначальственный пост. Теперь москвичи с чистым сердцем могли ненавидеть кого-нибудь другого.

Затем снова сгустилась тьма.

Пеликанов заметил, что на этот раз она была иной. В ней не было ни малейшего намека на компьютерные игры. В ней не было вообще никаких намеков, потому что она не имела пространственных измерений. По этой причине двигаться в ней было совершенно некуда.

Наверное, это и есть ад, подумал Пеликанов. Он вспомнил об одном парижском чуде, утверждавшем, что ад – это другие. Если бы все было так просто. От других можно было убежать в глухие заповедные леса, спрятаться, уйти в себя. От себя бежать было некуда. Ад, вопреки обыденным представлениям, был не жаровней и не общественной баней, а невообразимо тесной камерой-одиночкой, малость и стесненность которой исключала саму мысль о возможности движения. Что-то наподобие удушливой глиняной мухоловки с небольшим оконцем из осколка мутного бутылочного стекла (в детстве они лепили такие камеры-обскуры, чтобы подглядывать за смертью насекомых). И находился он не в преисподней, а в одной-единствен-

ной абсолютно черной точке, которая была мыслящей монадой, предоставленной самой себе на вечные времена. До Пеликанова дошел буквальный смысл слова «безысходность».

Так называемое внутреннее пространство, внутренний мир личности, к которому дискурс политкорректности неизменно требовал уважения, оказывался не просто зияющей тьмой, он был абсолютным мраком, испытывающим нужду. Причем понять, в чем именно он испытывает нужду, сказать было крайне трудно. Всмотревшись в него более пристально, Жора понял, что нужда в некотором смысле являлась его собственной внутренней сутью и именно поэтому в принципе ничем не могла быть удовлетворена. Строго говоря, мрак изначально желал всего, но еще больше желал последующего разочарования, что, однако, никак не унимало его заранее обреченного на провал стремления.

На этом нехитром принципе, напоминающем утоление жажды при помощи морской воды, был построен весь социальный мир с его цивилизационным прогрессом, стремлением к успеху и самозабвенным культурным враньем.

ТЫ ОБ ЭТОМ ЕЩЕ ПОЖАЛЕЕШЬ!

Пеликанову показалось, что он услышал в среднем ухе злобное змеиное шипение, которое странным образом трансформировалось в осмысленную фразу. Ему даже не потребовалось думать для того, чтобы сразу понять, чем вызвана эта ненависть и из какого ядовитого источника она проистекает.

Глава 4

Это еще с Екатерины повелось: высший придворный чин, обер-камергер, в знак Высочайшего расположения и особой милости имел право носить ливрею с двумя скрещенными членами на вороте, вышитыми золотой нитью. Позднее, при Павле, их заменили гаубичными стволами и сделали эмблемой артиллерии.

Майор Менещихин профессионально отвел локоть в сторону, поднес стакан водки к губам и стал пить, не быстро, не медленно, а с самой что ни на есть оптимальной скоростью.

Шадрин наблюдал за его глазами, слезившимися, как у старого бульдога. Допив, майор издал характерный кричающий звук, отставил стакан и стал прислушиваться к внутренним ощущениям, будто бы в чем-то себя подозревал. Шадрин деликатно выждал, пока Менещихин захрустит огурцом.

– С Екатерины Второй? – вяло уточнил он.

– Не, с Первой, с польской шпионки, – живо отозвался Менещихин потеплевшим голосом.

Шадрин всегда удивлялся мгновенному преобразению, случавшемуся с майором после утреннего стакана, и тому, что непосредственно ему предшествовало. За минуту до опохмеления в голове Менещихина складывались самые неожиданные мысленные конструкции и аналогии, причудливые, как узоры на замерзшем окне, которыми он охотно делился. Шадрин каждый раз с интересом слушал его, но сам не опохмелялся, не мог.

– Культура – это вообще, знаешь, что такое? – Менещихин, захрустев огурцом, вальяжно потянулся за сигаретой.

– Что?

– Иерархическое пространство символов и знаков отличий. А где иерархическое пространство символов и знаков отличий достигает своего апогея? – спросил он.

– Где?

– В армии. – Майор с удовольствием затянулся. – Поэтому апофеозом любой культуры является война. А апофеозом мировой культуры – мировая война. От Канта к Крупну, так сказать. Ну или от Третьяковской галереи к Уралвагонзаводу. – Менещихин стал постукивать по столу безымянным пальцем. – Начинают они с «Критики чистого разума», а в финале у них всегда «Mein Kampf».

– Неужели по-другому не получается? – кисло поинтересовался Шадрин.

– Не получается, – отрезал майор. – Война, если копнуть глубже, – это не результат противоречий между кем-то там и чем-то. – Он сделал жест, словно вкручивал невидимую лампочку в умпостигаемый патрон. – И не борьба за нефтяные месторождения, как многие по наивности думают, а следствие внутренних кризисов самой культуры. – Менещихин подождал, пока водяра разольется по желудку, а до Шадрина дойдет смысл его слов.

Потом продолжил:

– Изоврется культура сама себе, нагородит символов столько, что они уже не поддаются никакой иерархии... До определенных пор можно членами мериться, а потом приходится все это собственное культурное дерьмо разгребать, скрещивая реальные шпаги или ядерные боеголовки. Тогда и наступает война, время культурного саморазоблачения, в котором все сметается и остается только самое необходимое и естественное. Это, – он рассеянно поискал глазами вокруг, – как стол перевернуть, а потом накрыть заново.

Шадрин подумал, что Менещихин может перевернуть, если выпьет еще стакан, с него станется.

– Но ведь люди гибнут, – пересохшими губами напомнил Шадрин.

– Тех, кто погибли, жалко, – согласился Менещихин, стряхивая пепел в блюдце. – Но еще жальче тех, кто уцелел. Им для своих детей приходится сочинять сказки, что рейхсмаршал Геринг – это просто Карлсон, который живет на крыше.

– Карлсон – маршал Геринг? – удивился Шадрин.

– Что, не веришь? – догадался майор, заметив, как у страдающего после вчерашнего старлея непроизвольно открылся рот. – А ты почитай дневники Астрид Линдгрэн, – с жаром убежденности посоветовал он. – Летающий толстый командующий люфтваффе с кокаиновым моторчиком в жопе. Ты не догадываешься, с чего это Карлсона так пробивало на сладкое? Притом, заметь, шведы их союзниками были. Так-то. – Менещихин многозначительно цокнул языком.

Шадрин восхищенно рассмеялся. Ему показалось, что майор в сегодняшних сентенциях перещеголял сам себя.

– Так вот я и говорю, что, если глубоко копнуть, проблема в том, что выживший на войне человек попадает в совершенно иное пространство, в буквальном смысле в другой мир, в котором его встречают новые культурные символы и смыслы, а также новые знаки отличия, разумеется. В этом другом мире ему очень трудно адаптироваться. И тогда о чем он спрашивает?

– О чем? – снова подыграл Шадрин.

Менещихин стукнул кулаком по столешнице, так что подпрыгнула и зазвенела посуда.

– Я за что, мать вашу, воевал! За то, чтобы ни хрена теперь не понимать?! Но в том-то и трагедия, что солдат возвращается всегда не с той войны, на которую уходил, – охрипшим от волнения голосом изрек Менещихин. – И мобилизует его не товарищ военком, а театр «Ленком». Э-хе-хе, знал бы ты, что несли деятели культуры в одна тысяча девятьсот четырнадцатом году, чтобы войны русскому человеку было никак не избежать, – печально, по-ремарковски, подытожил он.

Майор заглушил сигарету и тут же полез за второй. Шадрин заметил, что у него, как от зимнего морозца, предательски порозовели щеки.

– А теперь подумай сам. Все, о чем я до сих пор рассказывал, – это было раньше. Войны начинались и заканчивались, наступало мирное время. Но сегодня, в эпоху постправды, мы живем в условиях непрекращающейся войны, то есть перманентного кризиса культуры, если, опять же, называть вещи своими именами.

Шадрин понимающе кивнул.

– Если раньше воевали реальные гоблины с гвельфами, то теперь виртуальные гоблины с эльфами. Для такой войны летательных дронов и роботизированных танков не требуется. Чьи-то смерти нужны не более чем информационный повод, вызывающий необходимое возмущение или сочувствие, для того, чтобы вместе с эмоциями у людей открывался соответствующий денежный канал, через который они будут готовы неограниченно платить эмопоставщикам и эмо-дилерам. К виртуальной войне и виртуальной валюте до сих пор не могут привыкнуть только арабы и братья славяне. – Менещихин едва заметно выругался в свои сапоги. – Кризис телесности пришел откуда не ждали. Но не в этом главное.

Он торопливо затыкнул пару раз и стал дальше говорить нечто понятное только ему одному, да и то, похоже, не до конца.

– Главное, что катастрофическая милитаристская де-конструкция культурных смыслов возможна только при условии их наличия. А когда все смыслы не только давно уже деконструированы, но девальвированы и дезавуированы многократно, остается уповать на то, что культура, как язва желудка, пожрет самое себя и переродится в некую посткультурную реальность с пока еще неясными онтологическими свойствами.

Менещихин стал сквозь напущенный сигаретный дым пророчески вглядываться в будущее, позабыв о Шадрине. Тот напомнил о себе легким покашливанием.

– Товарищ майор, а что такое постправда?

Менещихин задумался.

– Это когда любая фактология формируется на основе утвердительных высказываний, релевантность и достоверность которых целиком и полностью определяются когнитивным центром манипуляции.

– Мне бы как-то проще.

– Можно и попроще. – Менещихин отложил на стол фуражку и потрогал затылок, будто хотел убедиться, что он на месте, никуда не делся. – Поясню тебе опять же на примере армии. Я кто?

– Вы майор, товарищ майор, – бодро ответил Шадрин.

– Правильно. А ты кто?

– Я старлей.

– Тоже верно. А раз так, то я могу ездить тебе по ушам сколько угодно, а ты должен всему верить и со всем соглашаться. Понял?

– Так точно.

– Ну вот. Значит, ливрею с членами передали по ведомству артиллерии...

Менещихин хотел дальше развить историю гаубично-фаллической символики в геральдике российских вооруженных сил, но не успел.

На пульте сработал индикатор сигнализации. Шадрин быстро взглянул на своего непосредственного начальника. Менещихин заворуженно смотрел на мигающую красную лампочку, как Дракула на пакет для переливания крови, а его рука автоматически тянулась к фуражке.

За два года это был второй случай. Первый был ложной тревогой: молодой медведь запутался в колючей проволоке.

До того как попасть на объект, Шадрин после окончания военного училища три года служил на китайской границе. Там нарушителей приходилось вылавливать чуть ли не каждый день. Несмотря на то, что Китаю передали острова Большой, Тарабаров и Большой Уссурийский и провели границу по фарватеру Амура, китайцы все равно лезли на левый берег за женьшенем, лимонником и кедровым орехом. Или переходили границу, чтобы поохотиться на тигра.

Но иногда происходило нечто непонятное. Голодных, напуганных китайцев находили по двое, по трое в глухой уссурийской тайге в состоянии, близком к кататоническому ступору. На вопросы о целях пересечения границы они не отвечали, вели себя странно, игнорируя еду и предложение медицинской помощи. Глядя на них, жалобно скулили даже гарнизонные собаки. Беспощаден к нарушителям был один лишь замполит Красиков, который уверял, что китайцы ведут геодезическую разведку местности с целью поворота сибирских рек на юг. Но в его сумасбродную версию никто не верил. К тому же у заблудившихся в тайге китайцев никогда не находилось при себе хоть какого-то геодезического оборудования. Их без лишних заморочек просто передавали сопредельной стороне.

Здесь, на объекте, все было по-другому. Собственно, самого объекта Шадрин никогда не видел. Проводивший с ним инструктаж подполковник ФСБ в пуховой куртке сразу объяснил, что Шадрину выпала большая честь охранять границу нашей Родины совершенно особого рода (он в точности так и сказал). На вопрос, с чем граничит Родина в вологодских лесах, подполковник прямо отвечать не стал, уклонившись в дебри трепетно-патриотического агностицизма. Еще он сказал, что выслуга идет здесь год за два, а на пайковые через пять лет Шадрин сможет купить себе домик в Коломне, но это в том случае, если не будет задавать ненужных вопросов.

Шадрин сначала вдохновился открывающимися перспективами быстрого обогащения, но потом чуть не взвыл от тоски. Вся его служба состояла в периодическом осмотре закрепленного квадрата, на котором кроме дикого леса с кривыми северными березами и ядовитыми грибами больше ничего не было. Все офицерское общество состояло из него и майора Мене-

психина. Весь гарнизон – взвод контрактников. До ближайшего населенного пункта десятки километров по непроходимому бурелому. Шадрин честно пытался пристраститься к охоте и к рыбалке, но, несмотря на упорство, страсть в нем все никак не возникала, а обмануть себя в такой глуши было практически невозможно. Тогда он начал пить. Деваться все равно было некуда. За водкой Менешихин исправно раз в неделю отправлял гусеничный вездеход в Великий Устюг.

Он пытался выяснить у Менешихина, что они охраняют, чтобы придать своему жалкому прозябанию высокий государственный смысл, но майор отвечал, что это знать ему пока что рано. Шадрин решил, что Менешихин и сам толком не знает, просто напускает на себя важности. Но его мучительный пьяный бред по ночам с обилием загадочных и малопонятных терминов давал повод к сомнениям.

Менешихин что-то говорил ему, но из-за шума вертолетных двигателей слов было не разобрать. Вертушку трясло, как жестяной шарaban на дорогах Гагаузии. Майор, достав из внутреннего кармана кителя плоскую офицерскую фляжку, присосался к ней почти на целую минуту. Сержант, контрактник, сидевший напротив, уперев автоматный приклад в пол, внимательно наблюдал за ним. Потом сглотнул слюну и стыдливо отвел взгляд.

Менешихин, не отрываясь от фляжки, указал Шадрину в иллюминатор. Он увидел под днищем вертолета густо дымящий лес.

– В шестом квадрате тоже горит, – проорал Менешихин, наклоняясь к нему и обдавая чистым духом ферейновского спирта. – Сука, октябрь месяц.

Понять, что происходит, было действительно трудно. На Покров стояла почти тридцатиградусная летняя жара, деревья и не думали расставаться со своими едва пожелтевшими листьями. К тому же за последние три недели на землю не упало ни капли дождя.

– Кто-то поджег, – снова крикнул майор, кивая на лес.

За дымящим лесом показалась река. Шадрин разглядел тянущуюся вдоль реки, за холмами длинную серую стену. Что именно огораживала стена, даже с высоты птичьего полета понять было невозможно. Шадрин подумал, что стена своим нереальным видом только выдает секретную зону с потрохами вражеским спутникам. Вертолет накренился набок и стал облетать предположительное место посадки – небольшую лесную опушку, находящуюся в паре сотен метров от стены.

– И что тут нарушили? – не понял Шадрин, выходя из вертолета в густую по колено траву.

– Ты погоди, – неопределенно отозвался Менешихин, утирая пот со лба и хитро оглядываясь.

Неторопливо выгружающимся контрактникам он приказал построиться в шеренгу. Шадрин стоял рядом, заложив руки за спину, терпеливо ожидая, что будет дальше.

– Бойцы! – начал майор проникновенно. – Настал час послужить верой и правдой Родине, за деньги. – На лицах бойцов проступила сытая ухмылка. Менешихин выдержал небольшую театральную паузу. – Враг где-то рядом. Он опасен, коварен и метит в самое сердце нашей культурной самобытности. Поэтому наша задача найти его и обезвредить. Приказываю: не расслабляться, сохранять максимальную духовную концентрацию и бдительность. До окончания операции быть непреклонными в чистоте помыслов, несгибаемыми в благородных намерениях, а также внимательно слушать и в точности выполнять все мои приказы.

Шадрин слушал и пытался определить, в какой стадии опьянения находится Менешихин, произнося свою пламенную речь. Ему сильно хотелось пить.

Майор полез в карман кителя и достал оттуда небольшую жестяную коробочку.

– Напоминаю. Каждый из вас подписал обязательство о неразглашении. Но о том, о чем я сейчас расскажу, не то что говорить, поминать всеу запрещается. Всем ясно? Старший лейтенант Шадрин!

Шадрин, услышав свою фамилию, вышел из оцепенения.

– Я.

Менещихин протянул ему жестяную коробочку.

– Раздайте каждому бойцу по одной капсуле, – приказал он.

– Есть. – Шадрин, принимая коробочку, вопросительно посмотрел на Менещихина, но понял, что тот не бредит и не шутит, а сам исполнен какой-то упрямой, негибимой решимости.

Шадрин медленно двинулся к строю. Белые двухчастные капсулы с разделительной линией посередине, похожие на известковые окаменелости доисторических насекомых, одна за другой ложились на темные солдатские ладони. Контрактники с интересом разглядывали их, отпуская аптекарские шуточки.

– Себе, – приказал Менещихин, когда Шадрин закончил раздачу.

Сам он тоже аккуратно вытянул двумя пальцами одну и продемонстрировал строю, чтобы ни у кого не возникло сомнений. Потом убрал коробочку обратно в карман.

– Это не то, что вы подумали. Долго объяснять нет времени. Но чтобы потом не было никаких недоразумений, коротко ввести вас в курс дела я обязан.

Менещихин потер свой небритый подбородок с колючей проседью и начал прохаживаться перед строем.

– Итак, перед вами одна из секретных разработок отечественной научной и философской мысли с рабочим названием «Аваллон Z». Каким образом и из чего его получают, я рассказывать не буду. Поэтому перейду непосредственно к фармакокинетике и внутренней алхимии. Данный препарат, непосредственно воздействуя на анахата-чакру, способствует пробуждению сердечного центра и таким образом открывает способность к неформальному духовному зрению, то есть к созерцанию иной метафизической реальности. – Менещихин остановился и медленно оглядел строй, проверяя реакцию на свои слова. Найдя, что бойцы внимают ему не шелохнувшись, он продолжил. – Еще с глубокой древности было известно, что нормальное физическое зрение, осуществляемое при помощи обычной пары глаз и обыденного ума в количестве одной штуки, не является единственно возможным. Чтобы было понятно, зачитаю небольшой отрывок.

Майор полез в нагрудный карман кителя и достал оттуда в несколько раз свернутый листок с мелкими черными буквами, похожий на инструкцию по применению какого-то мудреного лекарства. Потом, найдя нужное место, стал с выражением нараспев читать:

«Ангел смерти, слетающий к человеку, чтобы разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами. Почему так, зачем понадобилось ангелу столько глаз? Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души, даже не показывается ей, но, прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое. И видит новое по-новому, как видят не люди, а существа иных миров».

Менещихин свернул инструкцию и снова засунул ее во внутренний карман.

– Вопросы есть?

– Это будет как наркотический трип или как игровой симулятор? – спросил смуглый сержант Джамбалоев, наполовину киргиз.

Майор разочарованно скривился.

– Я им про многоотчатых ангелов, а они... Все, что вы увидите, – никакая не галлюцинация, а можно даже сказать, совсем наоборот – реальность как она есть, без иллюзорных покровов и словесной шелухи. Или, если хотите, голая правда. Но голая правда, как известно, многим приходится не по сердцу, даже если на нее смотреть в стриптиз-клубе. Более того, тре-

буется известное мужество и, я не побоюсь этого слова, смирение, чтобы ее принять. Поэтому возможны некоторые побочные эффекты психологического характера.

– Какие? – поинтересовался до того внимательно слушавший Шадрин.

Менещихин смерил его оценивающим взглядом:

– Например, может показаться, что мир без иллюзий невероятно прекрасен, а вы в нем со своими внутренними нагромождениями и с чудовищными, как сны дикобраза, иллюзиями – полное говно. А может быть, наоборот, вы себя вообразите Иисусом Христом, пришедшим спасти падший мир, находящийся в самом хвосте космической иерархии. В этом случае возможна классическая истерика по женскому типу. Ну и так далее. Много чего бывает.

– Так мы что, все разное будем видеть? – снова забеспокоился Джамбалоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.